
Тогда
я еще
не знала

Лейла Шахарис

Тогда я ещё не знала

«Автор»
2026

Шахарис Л.

Тогда я ещё не знала / Л. Шахарис — «Автор», 2026

Исповедальная психоаналитическая проза, о недоступной любви, границах, и поиске своей идентичности. Пронзительная история о том, как прекратить отрабатывать чужие жизни и начать жить свою.

© Шахарис Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 12
Глава 3 18
Глава 4 25
Глава 5 32
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Лейла Шахарис
Тогда я ещё не знала

Глава 1

Первое, что я запомнила в новой квартире, — стук в дверь. Глухой, настырный, по-хозяйски уверенный: так стучат люди, которые не сомневаются, что им откроют.

За дверью стояла соседка.

— Ты не видела мою Наташку? Эта тварюга опять ушла и забрала ключ. Можно я посижу у вас?

Когда мне исполнилось пять лет, мы переехали из маленькой двушки в просторную четырёхкомнатную квартиру — просторной она казалась тогда, несмотря на хрущёвскую пятиметровую кухоньку, где вдвоём уже тесно развернуться. Решение приняли единодушно: требовалось объединиться с прабабушкой. Но своей комнаты у меня по-прежнему не появилось: родители спали отдельно друг от друга, а бабуле, героически пережившей четырёх мужей, тоже требовалось личное пространство. Уроки я делала в зале, ночевала у матери. Отец спал в комнате ближе к туалету и кухне, куда крадучись пробирался ночами после трудовой смены. Он работал музыкантом в ресторанах: пел, играл, развлекал публику и копил пассивную агрессию — как все люди, вынужденные разменивать свой талант на чёрт знает что.

Соседку я приметила в первые дни — разглядывая с ребяческим любопытством, и она произвела на меня глубокое впечатление.

Она была очень некрасивой, почти уродливой. Большое расстояние между носом и ртом придавало всему облику нечто обезьянье, отталкивающее. Спутанные волосы скучного мышиного оттенка, нарочитая неряшливость, неприятный запах, отупевший взгляд и бессвязная речь выдавали в ней пьющую женщину.

Больше всего я злилась на её бессмысленные приходы к нам домой. То она приносила какую-то листовку, сунув нос в наш почтовый ящик, то заходила спросить что-нибудь из кухонного инвентаря — и возвращала его в непригодном для использования состоянии. А порой просто тарабанила в дверь, изрядно наклюкавшись.

Меня, надо сказать, коробило и то, что мама её пускала: выслушивала весь бессмысленный бред, который та несла, и в ответ неиссякаемым потоком выдавала подробности происходящего в семье. Подчас даже чересчур интимные.

Например, как её угнетает бабка, которая портит жизнь смолоду; как она уже тысячу раз пожалела, что соединила с ней крыши; какой бестолковый муж — жадный и брехливый, как он трахает каких-то официанток в том заведении, где работает сам; как она устаёт с ребёнком, как хорошо было бы одной — и как плохо вот именно сейчас, и деться некуда. А ежели бы знала заранее, в какой ад попадёт, и как её будет поджаривать толпа демонов — в нашем лице, — то ни за что бы не выходила замуж. «Вся жизнь в дерьме», — лаконично подытоживала она и ждала поддержки. Кстати, ей было всего тридцать с небольшим — но звучало так, будто всё уже позади. Из-за мужа, ребёнка и бабки.

Я всё это слушала. Словесная диарея лилась с воодушевлённым азартом, щедро приправленная театральными подробностями и кривыми бытовыми зарисовками с натуры.

Когда замызганная соседка уходила, мама с облегчением выдыхала и говорила мне:

— Нет, ну чего она всё время сюда таскается? Ты чувствуешь, как от неё воняет? Хоть проветривай теперь. Фу, старая сука.

— А зачем ты ей открываешь? — недоумевала я, пожимая плечами и уже тогда улавливая удушливый привкус лицемерия.

— Ну а что делать? — искренне удивлялась мать и возвращалась к делам, будто вопрос был риторическим и ответа не предполагал.

Напротив жили ещё две пары — одни средних лет, другие уже пожилые. За ними я тоже наблюдала — тихо, внимательно, почти как исследователь через щель.

Первая пара с виду казалась вполне благополучной. Мужчина — плотный, мягкий, похожий на добродушного медвежонка: из тех, кого лишний вес не портит, а наоборот, добавляет харизмы. Обаяние плюс огромные, вечно мигающие глаза. Его жена была абсолютной противоположностью естественности. Про таких позже я научилась формулировать точно: платят очень дорого, чтобы выглядеть очень дёшево.

Муж, судя по всему, ни в чём ей не отказывал, но за накладными хвостами, ресницами, тяжёлым макияжем и гремящими украшениями самой женщины почти не было видно — только наляписто оформленная витрина.

Однажды на лестнице послышалась возня — детские писки и хриплый мужской голос. Я подтащила стул, взобралась на него и приникла к дверному глазку. Подсматривать и подслушивать было одним из способов понимать мир.

Судя по разговору, пришли дети от первого брака — просили денег. В дом их не пустили, весь разговор шёл прямо на площадке.

— Я вам ничего не дам. Это вас мамаша подослала, да? Думаете, я в деньгах купаюсь? — его голос бил, как отбойный молоток.

— Ты можешь купить нам поесть? — не отступали дети.

— Нет. Сказано — уходите. Всё. Хватит.

Я слезла со стула с чувством, будто внутри что-то рвётся наружу. Меня захлестнул праведный горячий гнев. Какая разница, кто их подослал, если они голодны? Что значит «я ничего вам не дам»?

Дети ещё что-то тихо пискнули. Мужчина буркнул в ответ. Дверь хлопнула — резко, окончательно.

С тех пор я избегала смотреть ему в глаза.

Позже он развёлся и со второй женой. После этого к его двери потянулась вереница женщин из местных борделей. Меня смущало уже то, что я вообще знаю такие вещи. Стыд смешивался с любопытством.

Я снова и снова заглядывала в глазок: разные девицы шумно, весело вваливались в квартиру, выходили покурить на площадку и почти всегда смеялись — громко, задорно, немного фальшиво. Тогда мне казалось, что у них лёгкая, свободная, почти праздничная жизнь. Позже я научилась безошибочно узнавать проституток по такому смеху — истероидному, на грани срыва, похожему на приступ. Внешне они ещё как-то могли слиться с обычными людьми, но манеры и голос выдавали безошибочно.

Через некоторое время мужчина умер от рака печени — один, в пустой квартире. Нашли его на пятый день, приятель-собутыльник. Насколько я знаю, дети на похороны не пришли. Бывшие жёны — тоже.

Вторая пара была уже в почтенном возрасте. Они прожили вместе долгую жизнь — со всеми её трудностями — и в старости нашли друг в друге тихое убежище. Держались спокойно, бережно, почти трогательно. Иногда обнимались, шутили. Мы никогда не слышали, чтобы они повышали голос.

Прабабушка любила сидеть с ними на лавочке у дома и обсуждать всё на свете — от мировых новостей до цен на гречку. Она обстоятельно, подробно рассказывала каждую бытовую мелочь: что подорожало, что сказали по телевизору, кто куда сходил.

Мама же эту пару терпеть не могла. Называла их «старыми придурками»: тётю Любу — жеманной слащавой коровой, дядю Аркадия — прокуренным козлом. По закону маятника они постоянно досаждали ей самыми невинными способами.

Например: дядя Аркадий выписывал газету «Труд», прабабушка Галя — «Вечерний Ростов». Договорились обмениваться номерами после прочтения. Сосед был человеком старой закалки: вставал даже в выходные в пять утра, и ближе к восьми бодро звонил в нашу дверь, торжественно держа в руках газету для обмена.

Мать свирепела и лютовала:

— Ну ты посмотри, какого чёрта он ломится ни свет ни заря! Ба, скажи ему, пусть не припирается. Я сплю — и тут эти гости, хуже татар. Чтоб он провалился. Ни покоя, ни тишины.

Но с завидной регулярностью он всё равно приходил — рано утром, с аккуратно сложенной газетой и непоколебимой привычкой к порядку.

И вот однажды моя неподражаемая, эксцентричная мама — которую я обожала, несмотря на её дикий нрав, — услышав очередной утренний звонок, резко подскочила в постели, накинула халат и стремительно бросилась к двери.

Я осталась лежать и слушала, как она нарочито громко и раздражённо проворачивает ключ в замке. Мне захотелось сжаться в комок: я заранее предвкушала крик и представила растерянное лицо старика перед всклокоченной фурией.

— Здравствуйте, — подчёркнуто нервно, но формально вежливо сказала мама.

Пауза. Видимо, ей протянули газету. И дальше как из пулемёта:

— Послушайте, это уже просто невыносимо. Вы время видели? Чего вы всё время шастаете? Сколько можно так беспардонно себя вести? А если я трахаюсь? Мне что, с члена соскакивать и бежать за вашей газетой?

Это было блестяще.

Дверь хлопнула. Следом — глухое материнское бурчание, щедро приправленное привычными бытовыми проклятиями.

Я решила пробегать мимо него как можно быстрее, избегая разговоров. Лучше всего так, чтобы он меня вовсе не заметил. И тётя Люба — тоже: наверняка он расскажет ей об этом унизительном утреннем эпизоде.

Чёртовы газеты.

Прабабушка — необыкновенно стойкая женщина с почти военной выправкой — отреагировала на случившееся удивительно спокойно. Усмехнулась и сказала мне:

— Ну что поделать. Твоя мать всегда была такой. Чуть что не по ней — и клочки по закоулочкам.

Надо признаться: в те годы, вплоть до подросткового возраста, я вполне сознательно и методично отравляла бабушке жизнь. Делала это изобретательно, продуманно и жестоко — по-детски жестоко, но от этого не менее разрушительно.

Иногда я могла облить её водой просто потому, что была раздражена. Могла переложить её вещи в другое место, а когда она искала — растерянная, сбитая с толку, — вернуть обратно и настойчиво уверять:

— Да вот же они были. Ты что, старая, совсем из ума выжила?

Я придумывала пакости с холодным интересом экспериментатора. Однажды, заметив, что наша собачонка нагадила на диван, а бабушка собирается туда сесть и ничего не видит, я замыслила — как мне тогда казалось — взвешенную идею промолчать и посмотреть, что будет дальше.

Она спокойно сидела, листала журнал, щурясь поверх очков в тяжёлой черепаховой оправе. Я напротив теребила заусеницы в горячем нетерпении.

Через минуту она начала тревожно принюхиваться, ёрзать, оглядываться.

— Запах какой-то отвратительный… Карина, тебе не воняет?

— Бабуля, ну ты чего. Тебе кажется. Просто кажется… Может, с улицы чем понесло.

Много позже я посмотрела фильм «Газовый свет» — от него и произошёл термин «газлайтинг»: психологическая манипуляция, когда человека последовательно убеждают в его собственной неадекватности.

По сути, я делала с бабушкой то же самое, что мать активно делала со мной — а отец пассивно делал с ней.

Во мне прорастало что-то озлобленное и одновременно трусливое.

За что я мстила этой несчастной старушке? Той, что пережила войну и тогда же родила сына от человека, погибшего за два месяца до победы; той, что прочитала извещение о его смерти восьмого марта 1945 года и с тех пор более пятидесяти лет скорбела в этот день; той, что наконец похоронила собственную дочь, мою бабушку, когда мне было всего девять месяцев.

Когда говорят, что раньше люди были крепче гвоздей, я вспоминаю нашу Галюсю. Теперь эта женщина для меня — гиперсимвол достоинства. В самом широком смысле слова.

Даже угасая, предчувствуя близкий конец и мучаясь подагрическими болями, она не капризничала. По ночам тихонько раскачивалась в своей крошечной комнате, держась за табурет, — видимо, так было легче переносить приступ. А может, просто не могла уснуть. Но никого не тревожила. Только несколько раз просила вызывать скорую — видимо, когда было совсем невмоготу.

Больше всего на свете мне хочется обнять её сейчас и сказать:

«Галина Александровна, ты мой герой. Прости меня за всё — за осознанное и неосознанное зло. Воистину, я не ведала, что творю».

Мудрости в ней хватало, чтобы покрывать мои выходки. Может, не из любви — я не была милым и отзывчивым ребёнком, каких легко любить. Может, просто боялась скандала: мыла посуду, оставленную мне по дому, не жаловалась на грубости и оскорбления. А я, к сожалению и глубочайшему стыду, с ней вовсе не церемонилась.

Если рассматривать отношения родителей — мать с самого начала семейной жизни относилась к домашней работе с демонстративным отвращением. Делала, но как повинность. Называла бытовым рабством и обслуживанием неблагодарных тварей. Часто говорила, что время, потраченное на подгузники, кухню и уборку, выброшено на помойку. В чём-то я согласна с ней до сих пор.

За некоторыми отцовскими вещами она принципиально не ухаживала. К питанию относилась небрежно — как к тягостной обязанности. Бабушка тайком забирала его ношеные носки, а иногда и бельё, стирала украдкой и развешивала так, чтобы никто не знал, чьих это рук дело.

У мамы, впрочем, была позиция, которую, уверена, поддержат многие: свои носки и трусы мужчина вполне способен стирать сам — особенно если нет стиральной машины.

Галина Александровна очень хотела помочь их странному браку — сгладить конфликты, возникавшие на пустом месте. И потому, как бы неловко и символично это ни звучало, ей приходилось буквально совать нос в бельё.

Если маме удавалось застать бабушку за этим занятием, она начинала кричать, судорожно выхватывать постирушки из рук, ругаться и с бешено-пенной слюной доказывать свою правоту:

— Старая дура, ну что ты делаешь? Что значит «за мужем надо смотреть»? Он что, дебил? Или инвалид-колясочник? Не может за собой ухаживать? Не может зайти в ванну и постирать свои вонючки? Или вы все считаете, я должна это делать? Что я ещё вам должна? Если ты будешь продолжать заниматься хернёй, я заставлю тебя сожрать эту стирку.

Бабушка безропотно и пугливо удалялась. Иногда причитала, мол, да как же так; иногда беззвучно плакала; иногда звонила своей сестре и сетовала: «Лилька всё так же кричит, ой, она такая ненормальная, Андрюшу ругает и ругает».

Маму Лильку на самом деле мало кто понимал. Для многих она была воплощением скандала и всего самого одиозного, что может вобрать в себя женщина. Некоторые, впрочем, с ней дружили: сверхэкцентричность и шокирующая откровенность были по-своему притягательны, и даже выругаться она могла чарующе и вкусно. Но между ней и этими друзьями особой эмоциональной связи не существовало. Я считала их совершенно бесполезными людьми, которые приходили просто отнимать время.

Тем временем я сама очень проникалась её идеями и считала их вполне справедливыми.

— Патриархально настроенные лжецы, — говорила мать. — Тысячи поколений женщин убеждали, что это счастье. Готовить кому-то жратву, намывать полы, которые уже к вечеру загадят, рожать детей, продолжать чей-то род, терпеть, изображать из себя покорную козью морду, тупеть и задыхаться под гнётом этой беспросветной вереницы дней. Посмотри на меня. Это жизнь? Это счастье? А что мне дали роды? Изуродованные сиськи? Бессонные ночи? Хочешь быть счастлива — не рожай, не выходи замуж и не обслуживай всяких выродков: ты положишь на это лучшие годы, а тебя потом станут упрекать, что ты недостаточно хорошо прислуживала. Поняла?

— Поняла, мам, — послушно отвечала я и думала: а ведь и правда, не дай Бог выйти замуж, распрощаться со всем лучшим, что может быть. Навсегда распрощаться.

— Семья заменяет всё, — уточняла она. — Поэтому надо хорошо подумать, что тебе важнее: всё или семья.

Позже я, конечно, приобрету избегающий тип привязанности и буду раз за разом выбирать партнёров, категорически непригодных для семейной жизни. Так я обезопашу себя от угрозы быть облапошенной, никчёмной, прислуживающей — а главное, грустной. Ведь все замужние женщины очень грустные. Они ходят на рынок каждые выходные и несут тяжёлые сумки; глаза их опущены и не выражают никаких эмоций. Всё их существование — быт; все мысли, идеи и даже творческий потенциал — о быте. Красоту, грацию и лёгкость тоже съела рутина. Они живут для других людей.

Они — вещь с определённым функционалом.

Нет, я не буду такой.

А что же мой отец? С самого детства и до сегодняшнего дня я совершенно точно уверена: это необыкновенно талантливый, разносторонний, чуткий, умный человек, которого я люблю всей душой и уважаю всем сердцем — несмотря на некоторые поступки, которые никак не стыкуются с рациональностью и человечностью.

Тот самый угрюмый папа, который так и не был реализован ни в одной из своих ипостасей: не раскрылся и даже не смел помышлять о перспективах, процветании, карьере. Сам себя оставил посредственным музыкантом, посредственным мужем, посредственным отцом. Не позволил себе отдать свой огонь миру — зажимался, подавлялся и саморазрушался.

Наверно, ему было невыносимо страшно даже думать о большем. Да и откуда взяться силам? Энергия берётся из действия, но если его не совершать, она утекает куда попало. Или как он сам о себе говорит: «Я не пессимист, я просто реалист. Всё равно ничего не получится. Зачем меня убеждаете?» Зачем ехать на конкурс певцов — там всё подкуплено, профессионалов столько: кому я нужен? Зачем идти к семейному психотерапевту — лучше всё равно не будет. Я в них не верю: их одна задача — заговорить зубы и выманить деньги.

Да, это была его реальность.

В детстве, насколько мне известно, папу били смертным боем за каждую провинность. Точнее, бил дед, его отец, а мать, ныне покойная бабушка Эмма, никогда не заступалась — чтобы ненароком не уронить авторитет отца перед сыном. Но авторитет, построенный только на страхе, выученный и неискренний, — это дрессировка.

Так он и рос: зашуганный, побитый, неуверенный, застенчивый. В нём не было ни коммерческой злости, ни твёрдого духа, ни способности менять ситуацию. Не могло быть. Затю-

канный, заранее обречённый на серость и путешествие по течению, он не мог ничего трансформировать. Даже если бы знал как — не хватило бы смелости и настойчивости. Особенно в одиночку.

Начинал он торговать со своим двоюродным братом, и дела шли весьма даже неплохо. Но когда тот ушёл из бизнеса — вместе с автомобилем, который был очень нужен, — папа побоялся покупать свой. Тут нужен риск, ответственность, уверенность.

Правда, иногда, забывая о том, что в него вколачивали, он проявлял лучшие качества: рвение, напор, чувство вкуса, даже авантюризм. Когда принимал собственные решения, а не те, что продиктованы травмой, они всегда были верны и продуктивны — хотя и далеки от масштаба. И этого было недостаточно.

Как муж — это своеобразный человек. Он не делал ничего плохого, но и ничего хорошего. Под «хорошим» подразумевалось, что он ходит на работу, не пьёт и иногда покупает аппаратуру — например, видеомагнитофон, что тогда было дорогостоящей редкостью. Но для мамы «хорошее» означало другие действия. Действий, которых не было.

Он всегда отсутствовал, оправдываясь железной отмазкой: «Я же столько работаю!» После моего рождения мать отправила его спать в другую комнату — под благовидным предлогом кормления грудного ребёнка и необходимости несколько раз вставать за ночь. Отец безропотно согласился и не предложил решить вопрос иначе. Так они постепенно отдалялись. Я росла, но общей спальни у родителей так и не появилось.

Поскольку мне никогда не доводилось видеть их спящими вместе, я искренне полагала, что так и надо. А мама рассказывала: в царские времена, в дворянских семьях вообще было принято иметь раздельные спальни, и мужу не стоит видеть с утра супругу опухшей, с залипшими глазами и неприятным запахом изо рта.

Всё это здорово звучало и могло иметь какое-то обоснование. Но уже ребёнком я понимала: истинная причина дистанции между родителями — не подражание дворянам начала века, а конкретная органическая непереносимость отца моей матерью.

Он как будто не замечал этого. Или ему было удобно не замечать. Скорее всего, второе: обозначь он ситуацию разделения с женой как проблему — пришлось бы её решать. Сталкиваться со сложностями, вскрывать противоречия, договариваться, менять привычки и образ жизни — одним словом, выходить из зоны комфорта, а это большое неудобство. Поэтому негласно было решено: все будут почивать отдельно и не обсуждать истинный источник этого явления.

Отца также можно назвать пассивным, меланхоличным и холодным человеком. В отдельные моменты он, разумеется, мог веселиться и шутить как никто другой — искромётно, ярко, живо. Голос у него был потрясающе мягкий, глубокий, с бархатными нотами и обволакивающим тембром. Для меня до сих пор загадка: почему, располагая такими данными, он просидел в ресторанах, распевая дешёвый шансон и развлекая всякую пьянь вперемешку с местными бандитами? Почему вовремя не остановился? Почему столько лет провёл в унижениях перед всякой сволочью?

Возвращался он, как правило, за полночь и норовил быстрее поесть и юркнуть к себе в комнату. Если не находил готового обеда — молча жарил картошку.

Иногда мы просыпались от запаха. Мама недовольно ворочалась и непременно отмечала:

— Ты смотри, опять жрёт. Опять оставит на столе крошки. Ты спишь? Может, и мы сходим поедим?

Я радостно подлетала на пружинистом матрасе, откидывала одеяло и мчалась на кухню.

Это были единственные моменты, когда мы могли разделить трапезу вместе и представить себя семьёй.

Отец не роптал по поводу нашего прибытия. Спокойно чистил картошки побольше, заботливо рассаживал нас и угощал своей стряпней.

— Ну, девочки, тоже проголодались? — вопрошал он, приветливо улыбаясь, и с вдохновением продолжал:

— К нам сегодня в заведение новую администраторшу взяли. Так она сразу с места в карьер принялась своим уставом на пороге чужого монастыря размахивать. Повару замечания делала, нам перерывы прописала, что слишком большие. Нахальная. Я даже растерялся.

Мама тут же хваталась за такие новости с едкими комментариями:

— Ну а такой кобель, как ты, конечно, внимательно наблюдал и слушал. А поварёшек ваших, проституток, вообще следует гнать в шею грязными тряпками.

— Ну, Лиля… ну чего ты опять начинаешь, — робко, понижая голос, протестовал отец.

— Нет, подожди. Ты помнишь, как я однажды к вам пришла — ей-Богу, лучше б не приходила. А эта мышь, страшная как атомная война, что она сделала? Она сказала, что они тут вторые жёны. Ну и хорошо, если вторые жёны. Надо отнести им твоё грязное барахло: пусть постирают, погладят и чистое как положено отдадут. Знаешь, Андрей, что самое противное? Ты заткнулся и похихикал, вместо того чтобы рявкнуть на неё. Она в самом деле обалдела, что ли, вошь подзаборная? Но нет, ты молчишь. Вот правда, не рыба не мясо: что за мужик мне достался? Его жену полощет в дерьме всякая мразь, а он молчит.

— Лиля, ну я же там работаю.

Позже он будет объяснять и вспоминать этот случай вопросом: «А могла ли Лиля промолчать в тот момент вообще?»

Но я не согласна. Промолчать надо было выдрам, объявляющим себя вторыми жёнами.

Я давно привыкла: мои родители никогда не имели способности толково полемизировать — с кем угодно, только не друг с другом. Трёхсложные оскорбления, кривотолки, упрёки, угрозы, непотребные речи, которые ни при каких обстоятельствах не должны касаться детских ушей: в ход шло абсолютно всё. Любая мысль, подвернувшаяся под язык, без всяких фильтров и намёков на оные.

В те времена я ещё не могла в полной мере осознать истинное предназначение семейной ссоры. А это, по сути, предохранительный клапан — сброс лишней энергии, чтобы семья продолжала существовать. Но ради чего? Формально — ради меня. Или ради того, чтобы не строить свою жизнь, а позже обвинить в этом друг друга.

И стойкое чувство вины постепенно, незаметно для меня самой, проникало во всё моё существо, год за годом. Все мучились из-за меня: болеющая бабушка, находящаяся между двух огней; отец, старающийся работать больше, чтобы меньше быть дома; загнанная в угол мать, курсирующая с утра между кухней, моими уроками и своей спальней.

Они не менялись. Папа оставался тотально бесхребетным человеком — за решения, которые не принимал, всё равно нёс ответственность. Мама — в роли классической жертвы: упорно не замечала возможностей под носом и вопила о том, чего и как её лишили.

Парадокс в том, что это действительно тяжело — и удобно одновременно.

Глава 2

Я жила в очень красивом городе с купеческой атмосферой, на берегу реки.

Ростов-на-Дону славился доходными домами, построенными владельцами специально для сдачи в наём. Типового проекта не было, поэтому богатейшая знать, промышленники, владельцы заводов и пароходов соревновались: чей дом выше, грандиознее, изысканнее.

После революции все эти дома национализировали и отдали под коммунальные квартиры. Судьба владельцев сложилась по-разному.

Но до сих пор это великолепие смотрится гармонично и изящно. Арочные окна, прямоугольные эркеры, орнаментная отделка карнизов, медальоны, эмблемы — всё напоминает о процветании и торговом прошлом города.

Наша семья проживала в армянской части города — Нахичевани, куда ещё при Екатерине II определили армян, выходцев с Крыма. Отец — этнический армянин, но уже родившийся на этой земле, — не говорил на родном языке. Мать — русская, но с турецкими корнями: прадедушка-казак привёз из очередного похода жену-турчанку, которая подарила всем женщинам нашего рода длинные тёмные волосы, выразительные глаза и грациозные фигуры.

Сейчас мы живём в относительно спокойное время, но в ту пору каждый угол был пропитан криминалом и тревогой. С наступлением темноты оставаться на улице было небезопасно.

Возможно, меня раскритикуют приверженцы либерализма, но ребёнком я была чётко убеждена: у преступности есть национальность. Во всяком случае в нашем городе — да. По официальным сводкам, именно этнические диаспоры занимались криминальным бизнесом. А как быть с тем, что подавляющее большинство «воров в законе» — грузины?

Я много размышляла об этом в детстве, с грустью наблюдая за конфликтами, убийствами, последующими дискуссиями. Когда в моём окружении появлялся друг кавказского фенотипа, родители настораживались: «Будь аккуратна, это же чурка. Кто его знает — может, наркотиками торгует, может, изнасилует…» Звучало забавно, учитывая, что сами они на русских не очень-то походили.

Однако опасность действительно существовала. После развала СССР в некоторых районах наркотиками торговали прямо с лавочек бабульки-пенсионерки — «божьи одуванчики». Может, не тяжёлыми, но гашишем точно.

Гулять мне было строжайше запрещено. Ещё и потому, что у нас с ужасающей жестокостью действовали серийные маньяки и педофилы. Сам город сбившиеся с ног следователи называли геопатогенной зоной. Времена поиска печально известного Чикатило — это моё детство.

У нас появилась дивная собачка. Пудель с необыкновенно красивой мордочкой, серебристо-голубого окраса, с кипучей жизненной позицией. Та самая, что гадила на диван, если огорчалась невниманием.

Я получила долгожданную возможность выходить на улицу под благовидным предлогом — выгулять псину. Но прогулка могла проходить исключительно в зоне видимости с балкона, в светлое время суток. Обычно я отказывала другим детям в просьбе пойти с ними в парк или на площадку. Держалась особняком, чуяла себя гадким утёнком и белым воронёнком. Дети тоже не стремились дружить со мной. Я не расстраивалась: гораздо больше стоило переживать о другом.

Растущее в семье колоссальное напряжение передавалось и мне. Все чуяли угрозу, нависшую в воздухе. Тяжёлым духом фонило из всех щелей. Та самая ситуация, когда страшно просто обратиться друг к другу, когда избегание порождает ещё большее напряжение.

Это чувствовала бабушка и частенько сокрушалась: «Ой, что-то будет. Я точно знаю. Как перед войной — сердце щемит». Чувствовала и я, не понимая до конца происходящего, но, как животное, улавливая наступающее землетрясение. Я прислушивалась, присматривалась, принюхивалась.

Ближе к двенадцати годам внезапно увлеклась венерологией — методами диагностики и лечения заболеваний, передающихся половым путём. Не знаю откуда, но у нас дома оказалось целое собрание увесистых советских энциклопедий на эту тему. Досконально изучив картинки и симптомы, я с лёгкостью отличила бы мягкий шанкр от лимфогранулематоза. С огромным воодушевлением я сообщила семье, что хочу быть доктором.

Бабушка сказала: хорошее дело, но учиться придётся долго и ответственно. Папа сделал вид, что ничего не слышал. А мама с жаром объяснила, что все люди подонки и нечего их лечить. Лучше уж тогда в ветеринарию. Но если быть ещё точнее — какой с меня, армянского недоделка, врач? Я же тормоз, каких свет не видывал. По случаю она разбавила тираду парочкой паскудных медицинских анекдотов и отправилась по своим делам.

Именно так весёлые, жизнерадостные женщины превращаются в кусающихся гиен. Они не могут отдать любовь своим детям, потому что сами её не получили.

Я не потеряла ориентира и принялась углублять знания доступными путями. Интернета не было, подходящую литературу просто так не купишь. Но ничто не мешало договориться с одноклассниками, чьи родители работали в поликлиниках: они приносят мне учебники, я помогаю им с английским. Анатомия, гистология, психофизиология — всё было изучено в кратчайшие сроки. Информацию я обрабатывала быстро, запоминала легко и чувствовала, насколько органично это вписывается в мой багаж знаний.

На двенадцатилетие мне подарили печатную машинку. Не родители, конечно, а тётя Таня, мамина сестра. Все мои конспекты, стихи, рассказы, заметки — всё обрело жизнь и системность. Я просиживала в упоительном восторге, клацая по клавишам часами, порой забывая о прогулках с собачонкой.

Однажды уверенность распёрла меня по полной. Я решила не откладывать.

Ничуть не колеблясь, напечатала огромное количество объявлений следующего содержания: «В нашем районе предоставляются услуги по лечению сифилиса, гонореи, микоплазмоза и трихомониаза». В следующие полчаса эти шедевры были расклеены по всем деревьям округи. Я прибежала домой, уселась у дискового телефона и с деловым видом ждала звонка от первых пациентов.

Опьянённая бесподобной идеей, я воображала, будто все эти действия имеют колоссальное значение. Именно сейчас найдено моё предназначение, и мне не страшно об этом заявить.

Мои размышления прервала бабушка. Растерянная, изумлённая, она сжимала подагрическими пальцами клочок бумаги — тот самый, что оборвала с дерева. Опешив от прочитанного, еле слышно спросила:

— Карина, это что? Это же наш номер телефона указан внизу? Это кто-то пошутил?

Внутри всё оборвалось, но я не сдавалась:

— Никто не шутил. Ничего смешного нет. Буду работать.

— Ты что, сумасшедшая? Ты же ребёнок…

— Я знаю, что делать и как. Не нужно ко мне лезть. Я хочу и буду заниматься врачеванием. Ваша главная задача — не трогать меня. Это сложно?

— Но при чём тут сифилис? Ты читала, что тут написано?

В момент нашего спора явилась утомлённая бытием мама. Завалилась в коридор с многозначительными придыханиями, которые почти кричали: «Мне тяжелее всех, уроды, посмотрите, как я страдаю».

Я скукожилась, подмяла под себя ноги и подумала, что часть моей жизни всё-таки сложится бесславно, что дурные события уже предопределены и я не смогу с ними справиться.

Холодные две пары глаз смотрели на меня как на недвусмысленное зло. Или в крайнем случае — как на таракана.

Бабушка протянула маме бумажку и тихонечко прошептала:

— Лилька, ну ты посмотри, что она делает… Ей бы уроки учить, нет… Ты почитай, смотри — вон, гонорея ещё…

Мать небрежно скомкала бумажку:

— Дочь, ты у нас дурочка совсем. Какие ещё венерические заболевания? Совсем чокнулась? А если домой заразу какую притащишь? Совсем как у папы — мозгов нет. Быстро пошла и всю эту херню собрала и выкинула. Только этого нам не хватало. Гонореи с трихомониазом. Это всё от безделья. Таки испортила я породу. Надо было от кого-то другого рожать, только не от армяна. Вот что получилось… Ходячий армянский стафилококк, давай бегом собирай всё.

Этот случай произвёл на меня огромное впечатление. Стало ясно: поддержки ждать неоткуда. В семье её не будет — никогда. Слава Богу, если не станут мешать. И на том спасибо.

Так мы и жили. Мама мечтала о разводе. Папа продолжал грызть копчёную колбасу у себя в комнате, чтобы лишний раз не выходить на кухню. Бабушка с прискорбием наблюдала за этим безобразием. А я по-прежнему не знала, кто я и зачем, периодически вспоминая, что всеобщее горе и неблагоустроенная жизнь — это всё ради меня. Непонятно было только, что я с этого получала.

Обстановка разрядилась неожиданным прибытием маминого троюродного брата из Таганрога.

Несмотря на то, что дядя Константин, в отличие от меня, не интересовался историей, нам сразу было о чём поговорить. Показалось, что в наш затхлый, стухший, застойно-унылый мир наконец ворвался поток свежего воздуха — в лице этого юноши, весельчака и балагура. Длинный как каланча, почти два метра, слегка неуклюжий, но симпатичный и общительный.

Он изучал английский в университете и собирался работать синхронным переводчиком. С широкой белозубой улыбкой, огромными ясными глазами и забавно чудаковатыми манерами он производил неизгладимое впечатление живостью, рассуждениями, юмором. Это было ново, непривычно и весело.

Мы играли в лото, в ментальные игры. Он много помогал мне с иностранным, раскрывая то, о чём наши преподаватели не имели понятия. Меня развлекали его истории про деда и бабку, у которых Костя остановился. Он забавно пародировал их, почти художественно потешаясь над безусловным влечением деда к бабке, сохранявшимся все шесть десятков их семейной жизни.

(Чтобы не погружать читателя в подробное генеалогическое древо, скажу: его дед являлся младшим братом моей прабабушки Галины Александровны. Этот дедушка чудом уцелел после нескольких детских смертей мужского пола — был самым маленьким, его любили, баловали, опекали. В юном возрасте он женился на Вере — женщине безликой, некрасивой, необразованной, страдавшей ожирением. Все свидетели этого союза вынесли вердикт: приворот. Всю жизнь он смотрел на неё одержимыми, преданными глазами, полными благоговения. Не исключаю долю мистики.)

Костя приходил к нам всё чаще. Очень сдружился с моей матерью, с которой виделся прежде, будучи ещё ребёнком. Мама ожила и порозовела. У них нашлось невероятное количество общих тем — от политических до крайне деликатных, личных. Он без тени стеснения оставался на обед и ужин, а потом и на ночь. Почему бы и нет?

Бабушка была обеспокоена. Звонила своему брату, чтобы тот вразумил внука и повлиял на его расписание.

— Костя приходит каждый день и совсем не учится, — взволнованно поясняла она. — Они хихикают, играют в карты, в домино. Ему что тут — мёдом намазано? Его же прислали

подтянуть учёбу. А то уедет обратно в Таганрог, и что говорить его родителям? Чем он тут занимался?

Бабушка, человек умудрённый опытом, может, и не могла вывести логическую связь между его присутствием и своим ощущением происходящего злодеяния — но связь определённо была.

Прямо под носом у моего отца, который, как и раньше, ничего не видел, не слышал и не понимал — или, скорее всего, не хотел понимать, — складывалась заманчиво-пикантная история с участием его жены. Незамеченным для него осталось и то, что мать расцветала на глазах, щебетала, как птичка, вьющая гнездо, наряжалась и прихорашивалась.

Говорят: если дерьмо может случиться — оно обязательно случится.

Роман матери с её троюродным братом разрушил мой мир. Это было чудовищно и немыслимо — особенно с учётом факта инцеста. Троюродное родство — всё-таки родство.

Когда эта правда стала очевидной, я потеряла опору. Семью. Себя. Своё место в системе. Кто я и зачем живу? Моя осознанная жизнь начинается со стыда, лжи, предательства, фальши, беспринципного коварства — прямо здесь, у меня перед глазами. Мерзость, в которой я обязана принимать участие: одурачивать отца, делать вид, что ничего страшного не происходит. Как будто это норма.

Я — бесхребетное, беспомощное, бесправное существо — никак не могу воспрепятствовать этому вероломству. И бабушка тоже не может.

Разумеется, мы боялись сделать это известным. Боялись реакции отца, его горя и шока. Боялись за маму, за всеобщий скандал. Мы молчали — как вынуждены молчать трусы, находящиеся в зависимости и под покровительством более сильного. И хотя моя мать ни за кого не отвечала и ни за кого не несла ответственности — даже за себя, — мы боялись её как чёрт ладана. Страх стал постоянным спутником.

Папа по-прежнему ни о чём не догадывался. Радовался, как ребёнок, что к жене приехал родственник и она немножко воспряла духом.

Особенно плохо мне становилось, когда они оказывались за одним столом, пили чай, и папа со свойственным ему живым любопытством расспрашивал этого подонка о родителях, об учёбе в университете, о том, как благоустраивается их город. Бывало, Костя победоносно поглядывал на меня, и его взгляд будто говорил: «Ты будешь молчать, маленькая идиотка».

Шло время, неделя за неделей, но мы молчали. Я понимала, что эта сволочь поимела не только мать, но в какой-то степени и отца тоже. И всех нас. И весь этот дом.

Поступок матери был оценён мною как невменяемый и подлый. Подлый по отношению ко всем нам. Конечно, она имеет право на счастье, право чувствовать себя желанной и красивой. Но почему именно таким образом?

Чуть позже мерзавец и проходимец, учуяв какую-никакую властишку через дозволение матери, приспособился раздавать мне подзатыльники, делать замечания, язвить в мой адрес самыми неприемлемыми и пошлыми способами. Не упускал случая пожаловаться на меня. Он говорил обо мне в чудовищных выражениях, и мама с большим энтузиазмом поддерживала мерзавца: у меня, мол, вечно недовольная рожа, я туповата, меня следует почаще бить, кислая мина действует им на нервы.

— А что тут такого? — говорила она. — Сколько можно мне жить для других? Он молодой и красивый. А папа твой… сама понимаешь. Обезьяна мохнатая, все были в шоке, когда я за него замуж вышла. А ведь могла выбрать любого. Лучшие годы — как раб на галерах. Ты знаешь, как это — быть русской невесткой в армянской семье? Это ад. И вот когда мне понадобилось хоть немножко радости, хоть кусочек за все пролитые слёзы и бесполезно прожитые годы, вы с этой старой кошёлкой, бабкой Галей, которая выходила замуж четыре раза, между прочим, решили учить меня, как следует себя вести и с кем спать. А не пошли бы вы в задницу.

Я и так всю жизнь для вас, неблагодарных. Поэтому заткните пасть и не смейте вякать мне ни звука из своей поганой глотки.

М-да. С маменькой разговор был короткий. И снова неясно: всю эту просранную жизнь что-то делалось — но было ли хоть что-то из того, что я действительно просила?

На фоне этой мерзопакостной интрижки её ненависть к отцу достигла взрывоопасной отметки. Она уже не стесняясь поливала его помоями, злословила и просила уйти.

Поселившийся у нас гость ничуть не отставал. Со свойственной ему манерой высмеивать людей он утрировал качества моего отца: хороший аппетит называл прожорливостью, избыточную потливость пометил лаконичным «скунс». Не упускал случая предать насмешкам всё, что подворачивалось. Естественно, за спиной, хихикая тайком. Видимо, это добавляло остроты.

Он был абсолютно токсичен и разнуздан.

Однажды отец сильно заболел. В ту зиму бушевал лютый грипп — его называли то свиным, то атипичным. С пугающей быстротой он переходил в воспаление лёгких, сопровождался сыпью и осложнениями. Лечение затягивалось на недели.

Воспользовавшись счастливой случайностью, мама в мгновение ока собрала его вещи, заботливо уложила в сумки и под предлогом, что нам никак нельзя заразиться, выпроводила болеть к его матери — бабушке Эмме, которую тоже неистово ненавидела и обвиняла во всех смертных грехах.

Я смотрела на собранные вещи и понимала: это конец. Он не просто уходит на карантин — он уходит навсегда. Хотя сам не знает, что обратно его не пустят. Наши с бабушкой предчувствия оправдались поразительно точно. Разводу быть.

Наивный, витавший в облаках папа не понимал того, что уже для всех было очевидно. Ну, собственно, он не понимал и как жить в семье, и чем недовольна его жена.

Пока он лечился, мама складывала остальное его имущество. Мы с бабушкой молились всем богам, чтобы он не догадался об истинных причинах этой истерики, не заподозрил, что явилось катализатором.

— Андрей не такой уж и плохой, — грустно рассуждала бабушка Галя. — Спокойный он очень. Может быть, даже чуточку заторможенный, но его можно настраивать на нужную волну. Просто твоей матери оно не надо. Ей надо другое… А что теперь будет? Он придёт — а чемоданы стоят… А если мой брат узнает про Костика, ведь и мне достанется, скажет: я знала и ничего не сообщила. Ужас, ужас…

У меня ещё теплилась надежда, что тринадцать лет брака не проходят бесследно и в любой сложной ситуации двое взрослых людей могут договориться.

Наверное, так и есть. Если хотят. Если готовы меняться сами. Но нет — каждый хочет, чтобы поменялся тот, другой. Ведь именно другой виноват. А я? Я нормальный, я не при чём.

Прошло ещё около двух недель. Близился Новый год, но настроение было отнюдь не праздничное. Ёлку купили заранее, но наряжать и украшать её я не хотела. Всё это дешёвое представление с подарками и сюрпризами не доставило бы удовольствия. Везде был тошнотворный привкус чего-то неестественного, ужасающего, растлевающего. Это сдавливало глотку и резало глаза.

Папа заявился подлечившимся и бодреньким, ни сном ни духом не подозревая, что благоверная уже всё распланировала, в том числе посадить с нами за стол недоноска-родственника и всем видом показывать, как мы с бабкой портим им торжество.

Суть финального разговора с отцом осталась для меня тайной. Я не знала, как и когда он должен состояться и что она собирается ему говорить. Меня об этом никто не предупреждал, не спросил о моих чувствах. Да и кто я такая?

Но я отчётливо помню, как в комнату вошла мать и очень сухо, тоном, не терпящим возражений, попросила пройти к нему в комнату и попрощаться.

Я зашла, и внутри всё оборвалось. Он сидел растерянный, как наказанный ребёнок, среди тюков с собранными пожитками. В глазах его стояли слёзы.

— Мама сказала уходить, — прохрипел он сквозь подступающие рыдания. Голос был послушный и одновременно обречённый. Мама сказала…

Я вцепилась в него как никогда раньше. Мы оба громко заплакали, почти зарычали от боли, как раненое зверьё. Он совсем расклеился. Я впервые видела его таким потерянным, плачущим.

Каждый раз, когда он обнимал меня снова, новый вопль раздавался в этой комнате, из которой мой отец уходил навсегда. Тут мы обычно смотрели диснеевские мультфильмы и играли в «Поле чудес». Тут он тайно грыз колбасу, скрываясь от регламента мамы и бабушки. Тут отдыхал после работы. Тут репетировал на новом синтезаторе и занимался на аккордеоне. Я огорчалась и одновременно радовалась: ведь если он плачет, значит, я не безразлична ему. (Но потом мама сказала, что это слёзы проливались по удобству и привычкам, которые он тут имел.)

Он обнял меня ещё раз и ободряюще похлопал по спине:

— Доченька, я ухожу не сам. Так хочет твоя мама. Но это вовсе не означает, что мы с тобой не будем общаться. Я о тебе помню и хочу принимать участие в твоей жизни.

Я погладила его усы, вытирая застрявшие в жёстких волосах слезинки.

— Папа, всё будет хорошо. Мы же будем всегда видеться, правда?

— Ну конечно. Ты можешь приходить к бабушке Эмме. Я переезжаю жить туда. Приходи и звони, когда хочешь. Там тебе всегда рады. Я очень тебя люблю. Мы с мамой расстаёмся, но тебя я никогда не брошу.

Он ещё сам не знал, что врёт.

Тогда я особенно пронзительно почуяла, что тоже люблю отца. Несмотря на его лёгкую отчуждённость от семьи, задумчивость, занятость, странность. Я ощутила, насколько этот родной и близкий человек нуждается во мне.

Я у него одна. Он сказал, что между нами всё по-прежнему и ничто не разлучит нас.

Я поверила.

Глава 3

К разводу родителей я адаптировалась очень легко, хуже было то, что к новому образу жизни матери я тоже привыкла довольно скоро. Как и все очень адаптивные люди, как правило, смиренны, покорны, безвольны и почти не слышат свои желаний, чувств, боятся заявить о личных нуждах. И вообще, всё существование сводится к тому, чтобы оправдать ожидания более сильного. На нашей территории альфа-самкой была — мать! Это не обсуждалось, не подвергалось сомнению, она не знала ограничений, какие-то обязанности брала исключительно по собственной воле, единолично утверждая порядок и срок их исполнения. Любое сопротивление, будь оно случайное или нарочное, каралось в лучшем случае проклятиями. Конечно, мой самобытный дух протестовал, я везде видела сплошное разрушение, и ради чего? Ради разрушения!

Воистину, первые любовные отношения человека — это отношения с родителями: именно в семье мы приобретаем уникальный, экзистенциальный опыт чувственности, распознавания потребностей своих и чужих, формируем ощущение привязанности и независимости, учимся строить свои границы и с уважением относиться к границам других людей. Если я скажу, что болталась в своей семейной системе как дерьмо в ведре, это будет наиболее точным определением, передающим все мои мысли, ощущения и действия. Однако хотелось бы уточнить: это касается только периода детства, поскольку ребёнок в большей мере зависит от взрослых, а зрелая личность ни в коем случае не должна перекладывать ответственность за свои неудачи на родителей и их личные ошибки. И в самом деле, история знает огромное количество примеров, когда из самых низов, трущоб и уродливых трагедий юности выходили блестящие, одарённые и благородные люди.

Все годы жизни с отцом и он, и семья в целом — а значит, я тоже — безапелляционно обвинялись в том, что если б не мы, шайка придурков, высасывающих кровь, то, конечно, она неминуемо сделала бы искромётную, сногсшибательную карьеру: вплоть до профессорской, или актёрской, или любой другой. Это мы, воплощённое многогранное зло, вынудили талантливую и красивую женщину зарыть всё своё самое ценное в землю, присыпать гниющими листьями и для пущей верности притоптать сапогами, после чего мы занимались плевками в эту священную могилу пожертвованных даров. Спустя год после развода с отцом я, верившая в непоколебимость этих доводов, вдруг неожиданно для себя увидела совсем иную картину. Наступило долгожданное избавление от главного кровопийствующего источника, отбирающего время, обесценивающего женскую суть. Как говорила мать: «Бесконечная вонь и готовка с жрачкой меня убивают».

Что ж, теперь ты живая.

Можно вообще не готовить, перебиваться сосисками, бутербродами, растворимыми супами из пакетов и яблочками с мармеладками; исчезли ненавистные носки, проблема непереносимости другого запаха также улетучилась. Чем же заполнился этот вакуум? Учёбой, спортом, приобретением новых навыков, попыткой создать другую семью в лучшем качестве? Конечно, нет. Так для чего требовалось это пространство? Для каких целей? Мне выпала задача наблюдать и преодолевать боль от выводов, которые я делала. Нет, я не осуждала, не подвергала её мораль какой-то особенной оценке и даже не могла знать, как правильно ей следует поступать, но падение моего кумира, моей Богини с пьедестала было настоящей маленькой смертью.

Я бы простила ей абсолютно всё: небрежность в обращении с близкими людьми, разнузданное поведение, цинизм, отсутствие манер, слишком часто меняющихся мужчин, которые оценивались дословно «блюдом к праздничному столу», склонность эпатировать и скандалить,

притом самыми невообразимыми способами, токсичность и даже конкуренцию со своей дочерью. Но простить ей неспособность действовать в её собственных интересах — я не могла. Это то самое разрушение ради разрушения, которое я упомянула ранее. Бесполезное прожигание. Она никогда не пила, но вела себя как классический алкоголик.

Итак, буквально в считанные недели связь с дядюшкой Константином вскрылась, и родственники с его стороны по очереди звонили нам и угрожали рассвирепевшими голосами, обвиняя мать в растлении и развращении их ангела, который приехал в этот город исключительно чтобы заниматься учёбой, и, конечно, отнюдь не по своей вине, отвлёкся на её половой орган — раз уж она любезно и гостеприимно предлагала все эти удовольствия девственнику. Невинное дитя, естественно, не смогло сопротивляться натиску агрессивного эротизма развратной женщины и сдалось на милость победителя. Уж не знаю точно, каким образом они выяснили причину его посещений нашего дома, но, следует заметить, ничуть не оправдывая мать, я сочла обвинения подобного толка крайне несправедливыми.

Мама со свойственной ей невозмутимостью и агрессией посылала их куда подальше, добавляя при этом: «Это вы ещё должны мне быть благодарны по гроб жизни, я его научила женщину любить, чтоб вы понимали».

В какой-то мере это был потрясающий ответ.

После того как все переругались, а гость-недоносок был отправлен по прописке, мама открыла в себе удивительную способность привлекать мужчин значительно моложе — и само собой непременно воспользовалась этим обстоятельством.

— Сколько осталось той молодости? — говорила она. — Надо ими пользоваться. И да, мне их не жалко. Они нас не жалеют никогда. К ним нужно относиться как к кускам мяса и употреблять для здоровья.

Но как по мне, многочисленные половые акты только отбирали здоровье. А вот спорт или сосредоточение на собственных заработках, пожалуй, действительно могли бы его добавить.

Ведь не зря в народе говорят: «она дала» — и в этом заключён глубокий смысл: женщина, вступая в связь, отдаёт значительно больше, даже если ей кажется, что она берёт. Посмотреть хотя бы на проституток: уже в тридцать лет они выглядят страшнее пленных монголов, как будто изувеченные и опустошённые. При этом изношенными выглядят даже те, у кого есть деньги. Есть такая неуловимая черта, которую невозможно заколоть ботоксом, исправить пластической операцией или спрятать под дорогими нарядами и украшениями. Я определила это словом — потасканность. Потасканную женщину видно издалека, даже если она сдержанно и скромно держится, даже если на ней остались намёки на бывалую красоту, ощущение застиранности, замусоленности, какой-то усталости и разочарованности — никуда не девается и не маскируется косметикой.

Размышляя об этом, я пришла к однозначному выводу, что моё посвящение в женщину может произойти только после официального брака с избранником, с которым, разумеется, я смогу прожить абсолютно счастливо и безо всяких проблем лет восемьдесят как минимум. И ни одной ссоры, не единой. В моём доме никто не будет хлопать дверями, оскорблять друг друга, никто не произнесёт похабного слова, никому не придёт в голову совершать адюльтер — и более того, даже допускать мысль о такой низости, поскольку мысль и действие практически едины. Ведь если подумал — считай сделал.

Справедливости ради следует заметить: у матери было редкостное везение выбирать очень достойных ухажёров. Если я скажу — один другого лучше, ничуть не обману. При этом важно заметить, никто не навещал её с целью развлечься: все принимали участие в бытовых делах, в том числе и финансово, и неизменно настаивали на заключении брака — ну или как минимум на совместном проживании. Кстати, обычно на этой ноте они увольнялись в обязательном порядке. Ко мне отношение тоже было исключительно добрым. Я всегда получала деликатное внимание и шоколадку. Непременные подарки на праздники в том числе.

Помню, однажды утром, после пробуждения с очередным поклонником, мать не на шутку разозлилась. Доподлинно я не слышала, какой диалог меж ними произошёл, но после она влетела в комнату точно разъяренная демоница. Я с любопытством поинтересовалась, что такого произошло.

— Ты представляешь, какая нахальная сволочь! Нет, ты не представляешь. Я просто диву даюсь с этой простоты и наглости…

— А что он сделал, мам?

— Ни с того ни с сего, говорит, — а ты не могла бы погладить мне рубашку и брюки? Не, ну ты скажи, ну разве не козёл?

— А что он сам не может? — удивилась я. Ведь у нас не было заведено в обязательном порядке ухаживать за мужчиной. Точнее, мужчина, за которым требовался уход, нарекался олигофреном, неспособным к навыкам самообслуживания.

— Так я и отвечаю ему, — невозмутимо продолжила мать, — ты что, гнида, совсем страх потерял? Я даже мужу не гладила.

— А он? — я представила его лицо, и мне захотелось рассмеяться.

— А что он? Ещё и рожу скривил и губы надул. В любом случае, честно говоря, уже осточертел: ещё и с ночёвкой повадился оставаться, ещё и завтракать хочет, мне потом посуду мой, ага. Всё-таки самый приятный момент — это когда они уходят.

Из своей комнаты высунулась бабушка Галя, с повязкой на голове, к тому времени изрядно страдавшая от гипертонии, и с любопытством поинтересовалась, где Юрка, ушёл ли уже, можно ли пройти на кухню, да и в уборную бы не мешало…

— Юрка ушёл, — бойко ответила я, — притом в мятых вещах.

— А чего в мятых? — не уловила суть бабушка.

— Мама не прогладила его барахло.

— Аааа, — бабка растянулась в чуть зловеще ехидной улыбке. — Ну так ему и надо. А то ишь какой. Переночевал, ещё и погладь.

— Ещё раз придёт, я его самого утюгом поглажу, — весело объявила маман, и нам стало ясно, что Юрку можно больше не ждать.

Далее она встречалась, и притом достаточно долго, почти целый год, с красавчиком аспирантом и жгучим брюнетом. Он не был похож на мачо, одновременно с этим и не тянул на выхоленного интеллигента: был достаточно прост, умён, весьма образован, ненавязчив, вкрадчив и обладал тонким чувством юмора, которое у большинства эрудированных людей не сводится к порнухе или чернухе. Он восхищал не только меня, но и скептически настроенную бабушку. К матери относился уважительно и берёг её личные границы. Видимо, быстро понял: чтобы удержаться, следует научиться быть удобным, иначе придётся повторить опыт своих предшественников.

Конечно, он его повторил, в любом случае, но по другим причинам. Мать увлеклась другим вкусненьким мяском, которое оказалось ещё моложе и свежее.

А моя личная жизнь пока складывалась из книжек, и это являлось самым вожделенным занятием.

С упоением я читала немецкую литературу: Гёте, Фридриха Шлегеля, Карла Кёрнера, — и мне открывался удивительный мир истории, человеческих чувств, пороков и добродетелей.

Особенно сильное впечатление, почти шоковое, я получила от произведения Эмиля Золя «Нана». Оно оставляло странное послевкусие, и мне было категорически непонятно, считает ли сам автор свою героиню падшей девой или показывает читателю, как зло, прикинувшись незначительным, проникает под кожу человеку и там нарастает и множится, точно агрессивный стафилококк заполняет кишечник, после чего нормальное функционирование органа невозможно, а повреждение необратимо. И кто несёт ответственность? Всегда ли человек решает свою судьбу? А кто он такой, чтобы решать?

Другая книга, наполнившая меня энтузиазмом и вдохновением, — «Гений» Теодора Драйзера, где главный герой всю жизнь ищет себя, не обращая внимания или с трудом принимая естественные моральные нормы, женится и лишается удовольствия от бытия, при этом не теряя таланта, художественного вкуса и восприятия красоты, а позже утрачивает абсолютно всё, что мог приобрести: карьеру, положение в обществе и жену. Автор приходит к выводу, что любые препятствия преодолевает любовь, а также затрагивает вопросы о счастье как таковом и его суррогатах.

В литературе я находила ответы на многое, но вопросов становилось всё больше. Мальчики меня не интересовали, хотя в классе подрастающие дети уже проявляли живой интерес к противоположному полу и не брезговали вульгарными шутками. Я совсем не идентифицировала себя как женщину и не обрастала свойственными моему полу качествами: обаятельностью, нежностью, лёгким невесомым очарованием. Флирт сам по себе казался мне омерзительной игрой, и я делала всё возможное, чтобы держаться от этого подальше. Правда, мне нравилось упражняться в едва заметном макияже, но тут не было никакого мотива привлечь или выделиться — а вот эксперименты с лицом, формой глаз, скул или губ представлялись мне настоящим творческим порывом. Это приводило в бешенство учительницу географии, которая применяла категорически неприемлемые формы унижения перед всем классом: высмеивала и намекала на «шлюховатость» такого поведения.

Но всё же моя сексуальность развивалась значительно медленнее, чем у других ребят. Я не исследовала своё тело, не прикасалась к отдельным его частям, и более того, эти мысли даже не приходили мне в голову. У меня не было желания выяснить, как выглядит обнажённый мужчина, или посмотреть хоть краешком глаза порнографию. Эротические сцены из фильмов ни в коем случае не ассоциировались с любовью: я разделяла эти два понятия, и в моём восприятии они никогда не пересекались.

Сам секс, о котором я узнала из уст мамы и бабушки, представлялся тягостной обязанностью, актом насилия, агрессии, занятием бесполезным и отвлекающим от насущных дел. В какой-то степени я так думаю и сейчас — несмотря на то, что Бог дал мне возможность пережить настоящую чувственную и в том числе плотскую любовь во всех её гранях и проявлениях.

Однако моё хронически подавленное состояние настойчиво препятствовало моей встрече с самой собой, и очень долгие годы я этого избегала, как чёрт ладана. Я старалась быть удобной, хорошей и терпеливой девочкой, чтобы вдруг меня не обвинили и не отругали за то, что у меня могут быть свои чувства и потребности, которые, даже страшно подумать, не соответствуют запросам людей, находящихся рядом. Я впитала страх с молоком. И теперь уверенно могу назвать это травмой, не причисляя себя к жертвам. Под травмой я понимаю чрезвычайную ситуацию, при которой обычные стратегии самозащиты не работают. Таким образом, травма характеризуется максимальным бессилием в опасной, дискомфортной или непонятной истории.

Многое из того, что мне было непонятно, в семье я уточнить не могла. Рассуждения и выводы, которые мне предоставляли, были крайне противоречивы и сбивали с толку ещё больше.

Так, например, мама говорила одно, а, как я видела, делала совсем другое; что она при этом думала — наверняка являлось ещё чем-то третьим.

Следовало бы спрашивать отца, как более вдумчивого и последовательного человека, но с переездом он отстранился, несмотря на свои обещания. Первые полгода он приносил фрукты и конфеты, интересовался учёбой в школе, но позже такие визиты становились всё реже, и с отчаянной грустью я понимала, что все эти приходы были связаны с необходимостью закрыть гештальты с матерью: поговорить с ней, увидеть её, доложить, что он бодр и весел и с ним всё в порядке.

Ещё через некоторое время у него появилась женщина. Моложе его лет на восемь, шустрая, маленькая, слегка напоминавшая болонку, работавшая в том же ресторане, где он музицировал.

С ним мы встречались у бабушки Эммы, его матери, — той самой, которая ликовала и рукоплескала его разводу как избавлению. Справедливости ради надо сказать: она всегда была против этого брака, поскольку считала целесообразным жениться на армянке, а не на русской. Кроме того, эта русская была такой шумной и странной. Меня она воспринимала как препятствие к счастливой жизни сына, поскольку, по официально озвученной версии, он продолжал жить с моей матерью ради ребёнка. Ребёнка, который сидел в этой семье как на пороховой бочке.

Не знаю, любила ли она меня, но какое-то пренебрежение я всегда ощущала: вторая внучка — дочь папиной сестры — была намного ближе. А я — на положении отщепенца, которого ни принять, ни отторгнуть.

Однажды она каким-то чудом высадила меня на цементный порог во дворе дома, где я просидела чёрт знает сколько времени ноябрьским вечером. Кончилось это грандиозным скандалом и ссорой между Эммой, папой и мамой.

Циститом пришлось болеть крайне долго и болезненно.

Несколько лет я мочилась кровью и испытывала ужас при мысли о необходимости посетить туалет. Позже я задавала себе вопрос: что мне мешало встать и поискать во дворе какую-нибудь шаль или накидку, что-нибудь утепляющее? Что мне мешало отойти в уголок и там справить нужду? Зачем я это делала под себя и оказалась примерзшая в лужице?

Ах да! Мне же сказали сидеть.

Я так и не спросила её, зачем понадобилось меня туда высаживать…

Прошли годы, и даже после того как родители разошлись и отец освободился от неугодной невестки, я всё равно улавливала некоторую неприязнь, недовольство мной и неодобрение. Хотя сама искренне любила всю армянскую братию и не обижалась.

Некоторое время я приходила к этой самой бабушке, чтобы иметь возможность видеться с отцом. Правда, разговоры наши были скудны и однообразны, не доходило до глубины, до сути, до откровений. Даже если мне было очень плохо, я всегда говорила, что всё в порядке и идёт своим чередом. Иногда мечтала вслух, как стану врачом, но это был просто звук. Разве можно придавать значение несбыточным мечтам или обсуждать их?

По прошествии нескольких месяцев папа переехал к той женщине, и они начали сожительствовать без официального брака. Мне он сообщил следующее: вся связь — через бабушку! Это означало, мне нужно звонить Эмме и выяснять, когда он будет у неё в гостях, чтобы прийти и пообщаться. Иногда он звонил первый и сам уведомлял о возможном времени встреч. Естественно, у бабушки. Мы никогда не ходили ни в кафе, ни в кино, ни на какие-либо детские мероприятия. Он не приглашал, а я не просила. Он и без того появлялся украдкой, точно воришка.

Тогда мне не могло прийти в голову, что запрет на наше общение, на моё посещение его нового места жительства наложила новая пассия, а он безропотно согласился с этим табу. Мы встречались как преступники. По всей вероятности, он не хотел её огорчать, ну а меня, конечно, можно было. Ведь я терпеливый святой ребёнок с заданными по умолчанию настройками всё сносить, терпеть и принимать. В том числе и то, что любому здравому человеку покажется невменяемым абсурдом: для меня должно было стать нормой. Ведь другим так удобно.

К своему счастью, тогда я этого не понимала. Но я понимала, что все кому не лень устраивают свою личную жизнь, не считаясь с родственными связями.

И бабушка Эмма, как ни странно внимательно подмечающая все недостатки моей матери, ничего не говорила отцу, пока он играл роль покорного ишака в новой семье и делал вид, что единственной дочери не существует. Она, наверное, и не рассуждала о моральных ценностях

женщины, которая ультимативно, с использованием шантажа, запрещает мужчине полноценное общение с ребёнком.

В общем, все устроены на своих местах, а как буду устраиваться я — мне ещё было неизвестно. Но с довольно бойким оптимизмом, глядя в будущее, я верила: всё сложится наилучшим образом.

В девятом классе, по окончании которого я должна была послушно отправиться в колледж иностранных языков, мне разрешили ходить домой самостоятельно. Мне это очень нравилось: я прогуливалась не спеша, рассматривая витрины магазинов, вывески, а иногда мы катались на трамвае с одноклассницей. Первый глоток свободы, первое ощущение взросления — я бы оценила это как достижение, несмотря на тот факт, что другие дети ходили домой без сопровождения значительно раньше меня. Однако в моём случае это явилось событием исключительной важности, и я наслаждалась такими прогулками на всю катушку.

В самом конце учебного года, буквально перед выпускными экзаменами, я по обыкновению шла домой, и погода стояла восхитительная, как обычно в конце мая: тёплое солнце и благоухающая зелень. Настроение испортил ремонт дороги: откуда ни возьмись, мой путь перегородили уборочные машины, рабочие в касках с измерительными приборами, какие-то нагромождения и горы песка.

Естественно, я не собиралась пачкать замшевые туфельки, подаренные мне мамой, — ведь я берегла их как зеницу ока, — поэтому решение идти в обход было принято незамедлительно.

Так я отправилась переулками, прямиком к дому. На углу одного из кварталов располагался подвал, переоборудованный в продуктовый магазин; ранее там была рюмочная, где собирался весь местный сброд. У входа стояли два парня, и ещё издалека я заметила, как назойливо и пристально они меня оглядывают с ног до головы. В этом взгляде не было какого-то любопытства или восхищения, но была неприкрытая наглость и похоть, свойственная псинам в период случки. Было намерение войти в контакт с добычей. Чистая сексуальная агрессия.

Когда я приблизилась, мне уже стало ясно, что эти двое пойдут следом. Сердце моё билось как у зайчишки, а ладошки вспотели от волнения. Первый раз в жизни я поняла, что привлекаю половозрелых мужчин. И хотя мне ещё не было и пятнадцати, а им, по всей видимости, прилично за двадцать, это ничуть не смутило меня и не омрачило радости от чувства востребованности. Находясь в блаженном доверии к моему миру, я, естественно, не могла подумать о том, что мужчины могут оказаться подонками, педофилами или аферистами. Они настойчиво шли позади, беззастенчиво обсуждая внешние данные возможного трофея. Нормы нравственной шкалы, ощущения самоценности, представление о достойном поведении мужчин было равно практически нулю, а любое внимание к моей персоне, даже обезображенное скотством, я понимала как милость и комплимент. Более того, считала себя обязанной как-то благодушно и гостеприимно ответить на эти действия.

Когда один из вожделеющих парней поравнялся со мной, между нами завязалась непринуждённая беседа, и он попросил разрешения проводить до дома. Я не возражала, радуясь и улыбаясь такому необычному проявлению по мою душу. Второй парень шёл молча, видимо, уступив право лидерства более шустрому. Оба они выглядели отвратительно. Тот, что молчал, был похож на наёмного убийцу: лысый, субтильного телосложения, с жестоким и расчётливым взглядом и почти бесцветными холодными глазами. Второй, развлекавший меня всю дорогу, смахивал на дурачка-балагура, довольного жизнью: он был маленький, толстый, с короткими пальчиками, в смешных очках, и почти рыжие волосы добавляли в его облик нечто клоунское, забавное. При всём этом он явно переигрывал с обаянием и напускной харизмой, и уверена: почти любую вменяемую девушку это бы оттолкнуло.

Я же, чувствуя себя в долгу за то, что меня изволили проводить до дома, потратили на меня время, на просьбу оставить номер домашнего телефона, тут же написала его на бумажке и вручила счастливому кавалеру.

Так я притянула первого в своей жизни персонального садиста, лгуна, нарцисса — и пережила боль от первых треугольников. Надо заметить, треугольники бывают разными, но нарцисс всегда тащит в отношения третьих лиц. При этом маска нарцисса противоположна его реальному восприятию, и обычно он занят тем, что усердно работает над декорациями своего спектакля, за которым стоит неизбежная разруха. С эмпатом нарцисс получает всё, что ему нужно, — главным образом подтверждение своей грандиозности, безнаказанности и вседозволенности. По-настоящему он никогда ни о ком не заботится и не защищает, никого не воодушевляет. Иногда он может подстроиться под ресурсную жертву, делая вид, что он её близкий человек, но подлинная близость ему недоступна, как и ряд других человеческих проявлений.

Домой я вернулась под приятным впечатлением от знакомства: осознавать себя взрослой девушкой было очень необычно, ново и волнительно.

Правда, перед сном у меня поднялась температура: организм противился, поднимал бунт, но я тогда, конечно, ничего не знала о психосоматических проявлениях и не придала значения этому знаку.

Я мечтательно расчёсывала длинные волосы и прихорашивалась, представляя, как мы увидимся с этим коротышкой вновь, и он сойдёт с ума от такой красоты. Воистину, моя глупость не имела границ. И для чего только я читала все эти книги?

Его звали Митя, и он, как оказалось, владел тем самым продуктовым магазином, который ему организовала заботливая мамаша — достаточно крепко стоящая на ногах для того времени дама. Представившись успешным бизнесменом и очень образованным человеком, в моём воображении он рисовался как принц — несмотря на крайне уродливый образ и разнузданное, слегка идиотичное поведение.

Разумеется, я поделилась своей радостью с мамой.

— Это как-то странно, — сказала она. — Он почти на десять лет старше. Что его могло привлечь в школьнице? Ты об этом не думала?

Конечно, мне следовало задуматься, но предостережения матери я расценила как намеренный, ядовитый укол в мою женственность и категорически отвергла все её разумные доводы по данному вопросу.

Будучи уверенной, что мой мир мне улыбнулся, я даже не подозревала, в какой опасности оказалась. И опять же, как все люди, не имеющие доступа к своим истинным чувствам и оценочной шкале, даже краешком подсознания не в силах была учуять тлеющий смрад мерзости, который окутывает меня точно цыганский гипноз.

Глава 4

ГЛАВА 4

Наступило лето, и я готовилась к поступлению в колледж. Естественно, не в медицинский, а туда, куда сказала мать. По несчастливой для меня случайности, её дядя являлся ректором учебного заведения, а она устроилась туда работать кассиром, где и завела роман с сыном главной бухгалтерши.

Я готовилась к выпускному в школе и, конечно, при полном отсутствии вкуса и видении своего образа в более-менее эстетном варианте выбрала самое дешёвое белое платьице — оскорбительно короткое, по фактуре как жеваная бумага. Те самые чёрные замшевые туфли на массивных каблуках-копытах совсем не сочетались — но, поскольку больше ничего не было, я нацепила этот позор и с мамой отправилась на заключительный школьный вечер. До сих пор не могу приложить ума, как мне позволили это надеть. Это вам не шёлковые платьица с бантами и изысканными фасонами, как у других девочек.

На торжестве я ощущала себя какой-то кривой, нелепой, некрасивой и отказывалась танцевать, поскольку любое движение в этом отвратительно похабном одеянии могло обнажить моё бельё. На самую зажигательную часть выпускного бала я не осталась: обнаружив, что моё платье скорее для борделя, чем для бала, взяла аттестат, поболтала для приличия с одноклассниками, выпила стакан сока и убежала домой. Фотографий с этого знаменательного события, к счастью, у меня нет.

По вечерам я болтала с Митей по телефону: он рассказывал мне весёлые истории со времён своего студенчества, жаловался на проказника кота и почти ни о чём меня не спрашивал. Возникало огромное желание показать этого человека матери, но по какой-то причине нам пришло в голову представить её моей старшей сестрой. Будучи игривой, весёлой, фигуристой и очень привлекательной женщиной, мама вполне правдоподобно смотрелась в такой роли. Конечно, идея была моя, а она с энтузиазмом поддержала эту бессмысленную ложь — чего, разумеется, не стоило делать.

Сейчас я понимаю почему. Быть матерью — значит быть взрослой. Быть взрослой — значит нести ответственность на всех уровнях, в том числе за своего ребёнка. С сестры же спрос не такой строгий. И, конечно, мама ловила с огромным удовольствием эти лёгкие настроения, пропитывалась иллюзией молодости и даже в какой-то степени гордилась тем, что так можно.

В тот самый вечер, когда мы возвращались домой с выпускного, мы встретили Митю. Радостно он устремился к нам, как будто знает обоих всю жизнь или дольше. Первые несколько секунд он изливался в словесном поносе, после чего внимательно разглядел маму с ног до головы и, подойдя к ней почти вплотную, дотронулся до края её майки в зоне декольте и сказал:

— Какая хорошенькая сестра.

Мать взглянула на него, как смотрят на насекомое, и в её глазах я прочитала желание плюнуть или прихлопнуть.

Вспоминая свои ощущения от увиденного, могу совершенно точно утверждать: я не ошибалась. Меня пронзило точно стрелой. Всё мне показалось мерзким, начиная от жестов и заканчивая интонацией. Эта корявая и наглая попытка тактильного контакта выдавала в нём человека неразборчивого, истекающего тестостероном самца, который бегает наперевес со своим пенисом везде, где может добежать, и никем не брезгует. Обвинение серьёзное, но дела обстояли именно так, как я подумала. Я верно расшифровала увиденное — но, конечно, решила себя обмануть.

— Мама, возможно, он просто включает дурака от смущения. А может, в его среде принято так непринуждённо общаться с девушками. Ну нельзя исключать и просто неудачную попытку сделать тебе комплимент из вежливости.

— Карина, он идиот и кобель. Это диагноз, который дополнительным уточнениям не подлежит. Это подзаборное быдло, которое чуть вылезло в люди и корчит из себя падишаха. А почему он так гадостно выглядит, как мешок с гавном? Ты получше никого выбрать не могла?

Я пыталась защитить мужчину, который, несмотря на эти явные и ничем не прикрытые недостатки, внушал мне симпатию, и мямлила что-то в его оправдание, пытаясь рассуждать и делать глупые выводы: мол, положительное влияние со стороны может облагородить абсолютно любого человека, даже если тот редкостный мерзавец.

При поступлении в колледж нужно было пройти собеседование, на котором выяснялся уровень английского языка. С этим проблем я не имела, но всё равно готовилась с некоторым волнением: хотелось произвести впечатление на будущих преподавателей и сразу зарекомендовать себя как положено.

В июне 1997-го я поступила. Радости не было предела. Пусть это и не медицинский и не кафедра венерологии, но всё-таки шаг к профессиональной деятельности. В этот день мама разрешила пригласить в гости Митю — отметить моё поступление. Я была невообразимо счастлива и довольна, целые сутки перебирала гардероб и ленточки для волос, воображала себя совсем взрослой, а его — бесконечно и безнадёжно в меня влюблённым.

Весь вечер на арене была моя мать. Она выступала с анекдотами, забавными зарисовками из жизни, вспоминала, как здорово она умеет рисовать, лепить и петь, и даже что однажды была замужем за бессовестным человеком, который не замечал ничего хорошего и брал себе в ансамбль совсем других вокалисток, дабы заниматься с ними всякими непотребствами. В общем, в своём неизменном репертуаре. Однако рассказчица она была хорошая: всегда сопровождала свою речь эмоциями и жестами, могла корчить рожицы — что очень органично вписывалось в её облик.

Митя пришёл со своим приятелем, которого я прежде не видела. Тот, судя по всему, являясь человеком интеллигентным и застенчивым, ощущал себя не в своей тарелке: почти не пил, очень аккуратно ел, тихо и вежливо разговаривал.

Я вышла на кухню сменить тарелки — радуясь, как радуется человек, который думает, что выиграл лотерейный билет, и носится с ним в предвкушении выигрыша, размышляя, сколько приятного и долгожданного его ожидает совсем-совсем скоро, буквально в ближайшем будущем.

Внезапно я услышала щелчок выключателя, свет погас, и я почувствовала зловонное, недоброе дыхание прямо у себя перед носом. По звуку было очевидно: он возится со своей ширинкой. И тогда я, похолодевшая от шока и недоумения, быстро выбежала и вернулась в комнату.

В моей голове звучали вопросы: что он хотел сделать? Почему так грубо? Почему он даже не поцеловал меня? Почему ничего не сказал? Как не побоялся присутствия других людей за стеной? Неужели это всё, что он хочет получить от меня?

В голове всё смешалось. Я не знала, как реагировать правильно, ощущала себя растерянной. Хотелось быть взрослой, но ни в коем случае не использованной. Найти баланс между этими двумя категориями мой детский ум был не в состоянии. Я продолжала сидеть с гостями, глупо улыбаясь и перебирая кончиками волос, изредка поднимая глаза.

Чуть позже его приятель засобирался домой — и тут случилось самое странное. Моя мама вдруг решила, что непременно следует проводить гостя. Вдруг заблудится! Но с чего бы ей провожать здоровенного детину, который прекрасно ориентировался в этом районе, и возвращаться по темноте в одиночку? Она ушла, оставив меня практически с незнакомым человеком. Долгое время я страдала от мысли, что меня бросили в опасности, один на один с воплощённым в эту отвратительную оболочку злом — впечатления от которого, как она сама говорила, были наихудшими из всех возможных.

Как только дверь закрылась, он пристально и похотливо уставился на меня, точно вожделеющая собака на мясо. Мне было страшно и мерзко. Я чувствовала запах плесени и дождевых червей. Хотелось рыдать и кричать от того, что в своём собственном доме я подвергаюсь насилию. Я бежала по коридору, он настигал меня, душил, хватал за волосы и наматывал их на руку.

— Чего ты выпендриваешься? Что ты из себя строишь? Можно подумать, у тебя нет опыта, — говорил он так спокойно, как будто речь шла о том, почему я не могу заварить ему чай.

Мне удалось выскользнуть из его липких рук, и я прошмыгнула в комнату к бабушке, разумеется, защёлкнув её на замок. Приложив ухо к двери, я услышала, как по ту сторону меня обозвали тварью. Немного выдохнув, я огляделась и увидела, как испуганная бабушка Галя приподнимается на кровати.

— Карина, ты чего?

— Ба, — еле дыша обратилась я к ней, — там просто дурачок в гостях.

— А чей это дурачок? — спросила бабуля.

— Ну, мой получается, — я не знала, как объясняться.

— Понятно, — бабушка встала, заправила одеяло и спросила: — Может, я выйду? Где твоя мать?

— А она пошла провожать другого парня. А этот, — я показала на дверь, — тут остался. Приставал ко мне. Чего делать, не знаю. Надо ж выйти, а я боюсь.

— Ну ничего, — бабуля деловито всунула ноги в пушистые домашние тапочки и потянулась за своей палочкой. — Сейчас вместе выйдем.

Однако я услышала звук поворачивающегося ключа и выскочила раньше, чем открылась дверь.

— Привет, мам.

— Так, ну что вы тут? Кофе будете? — выглядела она вполне умиротворённо и спокойно, никак не обращая внимания на то, что я растрёпанная и вспотевшая.

Мы пили кофе, а Митя смотрел на мать, не скрывая восхищения, после чего спросил:

— Может, и меня проводишь?

— Конечно, — она кокетливо повела плечом, и в груди у меня вспыхнуло пламя гнева.

Проводница пришла через час. Тем временем я металась по квартире, как израненный зверь в клетке в ожидании забоя, и моё понимание того, что эта мразь будет непременно приставать к матери, было вполне чётким.

Этот час показался мне вечностью. Я ходила из угла в угол и успела изгрызть все ногти до крови, беспомощно хныкая и не понимая, как мне следует вести себя дальше. Одни голоса в моей голове устрашали тем, что я бесповоротно разочаровала взрослого мужчину и он станет думать обо мне как о ребёнке. Другие подсказывали, что это обычный подонок, с которым данная встреча должна стать последней — без всяких объяснений и попыток прояснить что-либо.

Она зашла сразу с бесперебойным рассказом и, активно размахивая руками, кричала:

— Он конченый нелюдь. Чтоб я тебя больше с ним не видела. Он не стоит даже твоей пятки. Какая мерзость!

— Расскажи подробнее, — умоляюще заглядывала я ей в глаза, бегая вокруг, готовая разрыдаться от осознания того, что происходит нечто, чего я не могу понять.

— Когда я провожала его друга Роберта, — начала объяснять мама, — он так говорил, будто извинялся за то, что знает этого толстяка. Мол, мы не очень близки, просто я поставляю ему некоторые продукты. Я ещё тогда заподозрила неладное: разве приличные люди будут в тесной дружбе с таким противным упырём? А дальше — ещё хуже. По дороге он меня обнимал, лез целоваться и предлагал сама понимаешь… ты же понимаешь? А потом торжественно объявил: «Меняю жемчужину на алмаз!» Да кто он такой, чтобы менять?

После этих слов всё остальное стало рассыпаться в отдельные звуки. Мама — алмаз, я всего лишь жемчужина, и это ничтожество в широких штанишках и ржавых очках меняет одно на другое…

Позже, уязвлённая и оскорблённая, я ходила к нему разбираться. Получила подзатыльник и унижения. И на этом не успокоилась: много месяцев спустя я влачилась за этим существом, как побитая псина, требуя извинений, любви, человеческого обращения, ответа на вопрос, за что и почему он так поступает, и в конце концов — почему меня нельзя любить. Ведь я так хотела его. И даже если он, такой невзрачный, неприметный, безликий, не видит во мне никакой ценности, — что со мной будет дальше? Кому я нужна?

Эта трагедия обострялась тем, что он с огромным удовольствием пересказывал мне, как же сильно понравился моей матери и как страстно они занимались любовью той самой ночью под звёздами. Разумеется, он продолжал считать её сестрой.

Я допытывалась и от неё: устраивала допросы и отчаянно плакала, поясняла, что он мне понравился и больше я не смогу испытать симпатию к кому бы то ни было, и мне надо непременно знать, что произошло. Хотя я прекрасно знала — а если не знала, то моё нутро чётко всё осознавало.

Спустя некоторое время, когда я вдоволь измучилась, перестала есть и начала пропускать учёбу, она — очень самодовольно, не скрывая своего героизма и жертвенности — всё-таки призналась:

— Я это сделала, чтобы уберечь тебя. Тебя, маленькую кретинку. Он же пригрозил, что переспит с тобой, если я не отдамся ему. Потому что такая влюблённая дура, как ты, на всё готова — это же видно. Мне пришлось. Ради тебя. Чтоб он не трогал моего ребёнка. Всё ради вас всю жизнь — ещё и пришлось такую мерзость в себя впустить…

Сталкиваясь с такими проявлениями абсурда и вакханалии в собственном доме, я всё больше не понимала, как жить — тем более как жить достойно и правильно. Остатки самоуважения ещё подавали мне какие-то знаки со дна души, но я их почти не слышала.

Я долго расправлялась с этой ситуацией — и безуспешно. Ощущение дикой несправедливости терзало меня на всех уровнях бытия.

Мать я презирала — и одновременно ненавидела себя за то, что питаю к ней такие чувства.

Нарцисс Митя, может быть, был даже в меньшей степени патологичен, чем она. А возможно, и появился в моей жизни как своеобразное отзеркаливание того, с чем я существовала от рождения.

Любая жертва сперва должна впустить мучителя в своё сердце: дать ему приглашение, доверять. Любой нарцисс, как правило, настолько фантасмагорически ленив, что сподвигнуть его на активные действия может только перспектива садистического удовольствия или стремительный спад собственной энергии, которую необходимо получить от донора. При этом патологично-драматические отношения существуют только в голове жертвы: сам нарцисс очень спокоен, и обычно его мало волнует, что чувствует пострадавший от него человек. В конце концов, если ей больно — значит, виновата сама. Желательно, чтобы эта жертва была максимально наивна, чиста и не понимала, какой ужас с ней вытворяют и какое наказание она проживает рядом с садистом. В самых вопиющих случаях жертву наказывают ещё и за то, что издеваются над нею же.

Трудно переоценить значение ресурса, который безжалостно утягивают нарциссы. Как будто они присваивают силу, волю, боевой дух, творческий потенциал — всё, что помогает жертве прожить её собственную жизнь. Они беспощадно отбирают всё, что могут забрать.

После этого случая атмосфера взвинченности и недовольства стала постоянной и усиливалась с каждым днём. Мама, перейдя эту запретную черту — точно выпив первой крови и учуяв вкус победы, расправы над другой самкой, — стала неуправляемой.

Она стремилась найти любой повод, чтобы перенести своё ощущение стыда и никчемности на меня, видела во мне конкурента за красоту и внимание, никогда не позволяла выходить на передний план, по-прежнему считала, что все ей обязаны, и с ловким упорством манипулировала чувством вины.

Особенно невыносимо было понимать, что от меня требуют даже мыслить и чувствовать так, как надо ей. А привычка сравнивать с другими детьми — конечно, не в мою пользу — била по моей самооценке, точно молотом по наковальне. Естественно, она не стеснялась обсуждать мои недостатки с друзьями или вообще с посторонними.

Я по-прежнему не понимала, что может вызывать её гнев или портить настроение, — никакой последовательности в проявлении эмоций не наблюдалось…

Все свои ошибки она всегда отрицала, при этом раздувая мои и делая их фатальными и огромными. Сама же всегда была права и всё знала.

Конкуренция за внимание мужчин усиливалась, и она уже открыто унижала мои достоинства и подчёркивала то, что матери обычно скрывают. Например, могла публично вспомнить, как я забыла свои грязные трусы в ванной, а она, трудолюбивая и щедрая на заботу женщина, жертвенная и работящая, вынуждена буквально ходить за мной по пятам и выстирывать моё грязное барахло, которое я раскидываю по всем углам, ну и вообще везде, где придётся.

Таким образом, у меня по-прежнему не формировались навыки саморефлексии и понимания себя. Я ощущала всё своё существо как её тень или её худшую часть, а из-за нелестных сравнений с другими у меня появились отвращение и презрение к чужим успехам. Как будто это они забрали у меня то хорошее, что мне предназначалось, как будто это они виноваты в том, что мне плохо.

Ещё через некоторое время за мной ухаживал мальчик-ровесник. Он был очень красивый, изящный, с выразительными глазами и приятным тембром голоса. Эта вкрадчивая нежность, уважение, тепло, вкусные булочки, которые появлялись у меня на парте, приободряли и украшали мою жизнь.

Я стала забывать о своей обиде, не мусолила неприятные темы. После занятий мальчик провожал меня домой на автобусе — ехали мы долго, держались за руки. Ему было страшно даже поцеловать меня в щёку, он смущался, если я долго смотрела на него. Тут было прекрасно всё. Никакой грубости, никаких намёков, ни единой пошлой шутки или гадкого слова. Чистое, трогательное и трепетное влечение — с огромным взаимным уважением.

А потом, через некоторое время, я пригласила его домой, познакомиться с мамой. Я помню тот день: он принёс мне огромную красную розу и коробку конфет. Мама встретила очень радушно, отволокла в комнату и усадила в кресло, принялась рассказывать, как ей было тяжело растить меня в одиночку, какой был скверный у неё муж, который не помогал, а только мешал, и как здорово, что теперь у меня появился нормальный парень. Слегка ошалевший визитёр так и просидел в кресле, вцепившись в принесённую им розу.

Иногда он приходил, и мы вместе делали уроки. Наши отношения складывались так невинно, что позавидовал бы любой. Мы ни разу не повысили голос друг на друга, и взаимопонимание с полуслова давало надежду на лучшее. Однажды он не пришёл на занятия, и я, обеспокоившись и заскучав, решила уйти пораньше. Тогда ещё не было мобильных телефонов, и позвонить я могла только из дома.

Я открыла своим ключом, стянула шапочку, разулась, не заметив его обуви, и прошла в гостиную.

«Сейчас позвоню ему», — подумала я, и в ту же минуту, как в бразильских сериалах низкого пошиба, распахнулась дверь маминой спальни.

Он стоял в мамином тёплом махровом халате и её тапочках. Обескураженный и испуганный, как будто увидел дьявола, он подался назад, как будто прячась от возмездия, и спросил:

— Ты чего?

— Я ничего… А ты чего? — голос мой моментально охрип, а руки дрожали.

— Ну и я ничего… — он захлопнул дверь, а я, обессилев, села на корточки и подумала: наверное, это какая-то компьютерная игра; это не может быть моей жизнью, не может происходить в объективной реальности и тем более со мной, здесь и сейчас. Это всё неправда, и это не я. Но что же делать? Я взяла шапочку с полки, запрыгнула в кроссовки и пошла на улицу. Там я купила сигарет с ментолом и курила на лавочке, пока меня не начало тошнить.

Мамы с колясками злобно шипели в мою сторону, а бабульки делали замечания и с неодобрением покачивали головой. Это были ещё те времена, когда курящие подростки вызывали бурную негативную реакцию.

Но сколько ни кури, всё равно придётся идти домой. Больше было некуда. Как же мне не хватало в ту пору отца… или хотя бы старшего брата.

Дома чинно прогуливалась мама — походкой победителя, демонстративно показывая, кому тут принадлежит трон.

— А что ты хотела? — спросила она. — Ему женщина нужна. Настоящая женщина.

Вон оно как, — думала я, — значит, я не женщина: или не настоящая, или не привлекательная, или перед силой матери меркнут все мои достоинства, рассыпаются в пыль у её ног.

Я не люблю позитивную психологию — ведь именно это направление мышления заставляет избегать отрицательных эмоций и не смотреть правде в глаза, да ещё и поддерживать вежливость и экологичность в общении с теми, кто понимает только язык кнута, силы, железного кулака.

Нарцисса нельзя винить в том, что он не отличает хорошее от плохого. Ведь если рассудить, жертва тоже этого не умеет. Много лет спустя я поняла простую истину: совсем неважно, возвращаемся ли мы к прежнему нарциссу или встречаем нового, выпивающего из нас кровь, — по сути это одна и та же энергия, которая циркулирует в нашем пространстве и которая однажды вползла, подобно коварной змее, в нашу жизнь.

И кошмар в том, что, впуская туда деградирующих, грязных личностей — без совести и без стыда, — мы получаем взамен их карму. Это закон. Нравится или нет, но он всегда работает именно таким образом. Мы выполняем роль ёршика для унитаза или сточного слива, пропитываемся всей этой дрянью, желчью и безумием нарцисса. Алчные, невежественные, неблагодарные, они ненавидят нас за нашу любовь, мстят нам за наше стремление быть лучше или сохранить отношения, завидуют нашему потенциалу, непременно стремятся отнять его, высосать весь ресурс до капли. Они захлёбываются тем, что отжали у нас, — для того, чтобы потом пустить по ветру. Конфискованные ресурсы других людей никогда не приносят им настоящую пользу: это просто способ как-то выжить. Потому что у нарцисса нет своей энергии. Нет своего ничего — кроме жадности и ненависти.

Однако без таких ярких прыгунов по моим травмам я бы никогда не разобралась в своих жизненных уроках. Позже я научилась видеть людей с замкнутой психикой: которые любят только себя, а других — для себя.

Большинство любит то, что даёт другой. Любит поток энергии, прибывающий в его жизнь, любит своё отражение в глазах любящего. Настоящая любовь всегда бескорыстна: это человек мне нравится, и я хочу сделать его счастливым, а вовсе не «я хочу быть счастливым с ним». Обычно любят не самого человека, а свои ощущения или перспективу жизни с этим человеком. Утопией также являются попытки быть для кого-то удобным: тогда вас выберут не сердцем, а придут за комфортом. Так мы провоцируем потребительское отношение к себе, пытаясь заслуживать любовь.

Впрочем, этим я тоже занималась — по итогу оставаясь у разбитого корыта, с растерзанными чувствами, избитой душой и осознанием того, что опять и снова я купила чашку кофе по цене «Мерседеса». Но я счастлива, что теперь это знаю.

Тем временем отношения с матерью ухудшались до такой степени, что периодические драки между нами стали нормой. У меня появились новые подруги, я поздно приходила домой, отвечала отвязно, не проявляя должного уважения, не хотела помогать по дому и очень скучала по отцу — а это особенно доводило мать до неконтролируемых приступов ярости.

Бабушка преподносила старческие маразматические выходки, и наверняка мать уже мечтала о её смерти. Их общение состояло из скандалов и упрёков. Почти никто не разговаривал спокойно.

Оставаться дома было почти невыносимо. Даже утром, когда я спала, мать беспардонно подходила к моей кровати, становилась рядом и кричала, причитала — и это могло быть что угодно: жалоба на соседку, на неприятный звонок, на продавщицу в магазине, на то, что с вечера я не убрала какую-то злополучную кастрюльку в холодильник. Я просыпалась от воплей и старалась вечером прийти попозже, чтобы их не слышать.

Две мои подруги, которые приехали учиться из деревни, планировали арендовать жильё и обмолвились, что нашли старый дом — развалюху, но просторную: горячей воды нет, зато есть туалет и две газовые конфорки. Ни секунды не колеблясь, я попросилась жить с ними: втроём веселее, а если разделить арендную плату на троих, получается выгодное мероприятие. Они тоже согласились не думая, и тем же днём я огласила своё решение уйти тоном, не терпящим возражений.

— Если тебе что-то не нравится, уходи. Или ты подчиняешься правилам, как подчиняется ребёнок, или уходишь, как это делает взрослый. Я тебе не нянька, решай сама.

Мама и не собиралась меня останавливать.

Я собрала в потёртый пакетик носки, паспорт, скудные сбережения, кинула пару тетрадок, карандаши, джинсы и сменное бельё — и отправилась к своему первому новоселью.

Глава 5

ГЛАВА 5

В новом доме я быстро освоилась и хорошо поладила с девочками. У нас не возникало конфликтов — ни межличностных, ни бытовых. Первое время меня смущала убогость обстановки: например, по углам у потолка торчали вилки для сушки трусов, а рамы в окнах не менялись, наверное, со времён царских. Дом был старый, покосившийся, с протекающей крышей — скорее сарай, чем жильё, — и с периодически снующими туда-сюда мышами, которых я, к счастью, нисколько не боялась. В целом за те небольшие деньги, которыми мы располагали, найти что-либо другое, да ещё и в центре города, не представлялось возможным.

Там, впервые за долгое время, появилась возможность размышлять и открыто высказывать своё мнение. Причём если с ним не соглашались, меня при этом не отвергали, и наша дружба продолжалась с тем же теплом и взаимовыручкой. Эти девочки были прекрасны, и я полюбила их всем сердцем. Думаю, они меня тоже.

Та, что была постарше, Ольга — натуральная блондинка, слегка полноватая, милая и хозяйственная — приехала из деревни. Она хорошо умела готовить мясо, печь пироги и с необыкновенной ловкостью наводила порядок.

Вторая, Лера, — подвижная, с блестящими глазами, звонким голосом и заразительным смехом — мечтала выйти замуж за олигарха и нарожать кучу детей. Обе они учились на экономическом факультете в институте сельского хозяйства, и я с любопытством слушала, как они повторяли лекции по аналитике рынка и прочим специфическим дисциплинам.

Я продолжала обучение в колледже, исправно посещая все пары, и периодически встречалась с мамой: она по-прежнему работала кассиром в бухгалтерии. Мы обменивались дежурной информацией, и она искренне переживала, как я там живу, даже попросила адрес — на всякий случай. Я совершенно точно знаю: несмотря на нашу вопиющую войну, она действительно волновалась, даже боялась. Когда расспрашивала меня о том, что мы кушаем и с кем общаемся, в её глазах стоял застывший страх беспомощного ребёнка, который попал в сложную ситуацию и не может вести себя как взрослый. Если бы я могла вернуться в то время, я бы очень крепко её обняла и сказала, что безусловно люблю. По-прежнему мать оставалась для меня великой женщиной — странной, спонтанной, но необыкновенно исключительной и смелой. Смелость эта, правда, была дурковатой и отчаянной, но всё же…

Анализируя произошедшее, я задумалась о таких понятиях, как желания и чувства, и пришла к выводу, насколько это разные категории с разным уровнем контроля. Я полагала, что желания легче контролировать, чем чувства. Можно даже сформировать те, которые нам необходимы для дальнейшего развития, — а вовсе не те, к которым тянет по неизвестным причинам. Развитие мозга, думала я, всё же увело нас от животного поведения, и любые проявления древнего, архаичного мышления должны вызывать отторжение. Все эти чудовищные фантазии о власти над другими людьми, неограниченных сексуальных контактах или захвате чужих ресурсов — это ведь не по-человечески. А как должен выглядеть развитый человек, идущий к настоящему прогрессу? Я воображала личность с таким набором качеств, как избирательность, верность, уважение к чужим границам, стремление к образованию и честному сотрудничеству, признание достоинств других людей. В какой-то степени мне была важна и принципиальность — но не фанатичная и оголтелая, а скорее обоснованная и в то же время гибкая. Ведь развивающийся человек обязан меняться, таким образом убеждения не могут оставаться всю жизнь незыблемыми. В зависимости от полученного опыта мы все меняемся. Иногда жизнь сама разбивает в пух и прах то, что, как казалось, не подлежит сомнению.

Мой опыт среди нарциссов позволил мне через боль и разочарования прийти к более осмысленному и философскому отношению к вопросам бытия.

По выходным мы любили выпить, поиграть в карты и погадать на судьбу. Ничего толком не выходило: различные духи, которые, как мы думали, успешно вызвали, всё время путались в показаниях и давали разные ответы на один и тот же вопрос.

К нам часто приходил приятель девочек — любитель анекдотов и праздного веселья. Ни к кому из нас он не имел никаких притязаний, однако очень чутко реагировал на просьбы, по возможности помогал нам с перестановкой мебели и часто угощал шоколадками. Сам он был из той же деревни, и если так получалось, что родители присылали ему мясо, сало или консервы, он непременно делился с нами, испытывая при этом огромную радость.

Однажды, в очередной раз хихикая над нашими попытками гадать, он обмолвился о том, что живёт в одной комнате с чудаковатым парнем, который увлекается магией. И если мы не против, он непременно познакомит его с нами. Конечно, мы пришли в щенячий восторг, попросили не медлить, а в самое ближайшее время привести этого волшебника.

Ребята не заставили себя долго ждать: уже через несколько дней они явились с выпивкой, фруктами, приличными сигаретами и хорошим настроением.

Новый знакомый смотрел на меня долго и пронизительно, и между нами пробежала искра. Даже не искра — целая молния. Меня как будто оглушило; когда я протягивала ему руку, моя ладошка уже была вспотевшей от приятного волнения.

— Алексей, очень рад знакомству, — чинно представился он и уселся рядом со мной.

Как заворожённая, я внимательно рассматривала каждую его чёрточку и к концу вечера умозаключила: это не человек, а произведение искусства.

«Наверное, внешность всё-таки важна», — мелькнула у меня непривычная мысль. В самом деле, мне сложно было отвести глаз от небрежно уложенной шевелюры — какого-то необычного орехового цвета с тёмно-пепельными нотами, — от густых бровей вразлёт, пушистых ресниц, чуть агрессивно, но очень красиво подчёркнутых скул и маленького рта, который то плотно сжимался, словно пряча слова, то неожиданно растягивался в благодушной улыбке. В его облике я уловила нечто демоническое, притягивающее — что-то, чему сложно сопротивляться. Это не было физическим влечением, вожделением. Могу совершенно точно сказать: моё восхищение даже не пахло сладострастием и желанием близости. В чистом виде я испытала эстетическое удовольствие и удивление, свободное от всякого зуда.

Следующее, что меня потрясло, — схожесть наших темпераментов, взглядов, хобби и его страсть к чтению. Оказалось, он, как и я, читал те книги, о которых многие даже не слышали. Познакомиться в девятнадцать лет с Кафкой, с русской и французской классикой — это неслыханно. Среди ровесников я не встречала книголюбов, и само собой у нас моментально нашлась куча тем для разговоров и околонаучных диспутов. Как собеседник он был на высоте: держал диалог и, казалось, мог аргументировать что угодно.

Позже, когда время перевалило за полночь, девочки вспомнили о гаданиях.

Алексей усмехнулся и сказал, что это всё детские игры и не имеют ничего общего с настоящим магическим прогнозом. Одарённые маги работают с так называемыми «маятниками», но дело это очень опасное, особенно для непосвящённых и неопытных людей, и он бы, конечно, продемонстрировал нам, как это делается, но остерегается последствий.

— Пожалуйста, Лёша, мы очень хотим посмотреть! — умоляюще запищала Ольга, и я поддержала её одобряющим взглядом.

— А мне как-то не по себе, — Лера поморщилась и добавила: — Может, я пойду в другую комнату, пока вы поколдуете?

— Так и быть, девочки! — провозгласил Алексей и таинственным глухим голосом добавил: — Кто сейчас испугается, будет бояться всю жизнь!

После этой тирады он полез в карман и, немного покопошившись, извлёк огромный серебряный медальон с причудливыми узорами на длинной цепочке.

— Здесь, вот, — он показал на узоры, — изображена очень мощная пентаграмма. Сейчас я настрою маятник на всех присутствующих и начнём. Необходимо потушить свет и зажечь свечу. У вас есть свеча?

— Конечно, сейчас найдём, — я заторопилась выполнить всё как он сказал, задыхаясь от волнения и предвкушения, дрожащими руками поднесла спичку к фитилю.

Он был неподражаем: в его зрачках плясали языки пламени, сам же он выглядел сдержанным, спокойным и очень уверенным. Ничуть не дёргаясь, соблюдая абсолютную неподвижность, он держал цепочку в руках минуты две — и вот эта штуковина начала раскачиваться из стороны в сторону, а потом по кругу. Естественно, мы были испуганы, а второй парень принялся истерично икать и глупо хихикать.

— Можно задавать вопросы, — торжественно объявил Лёша и с огромной важностью посмотрел на всех нас.

Девочки наперебой пытались выяснить, когда выйдут замуж и сколько у них будет детей, денег и прочих благ. Наш приятель, отчаянно сражаясь с икотой, спрашивал, купят ли родители корову в этом году, и, получив удовлетворительный ответ, убежал во двор курить. А я с замиранием сердца смотрела на Алексея, как на великого медиума, и думала: «Вот она, моя судьба». В какой-то степени я была права. И точно знаю: если не всю, то значительную часть своего пути мы всё же выбираем сами. У меня тоже всегда был выбор. Как бы я ни ругала высшие силы за те хитросплетения и испытания, которые мне выпали, как бы ни пыталась превратить свою глупость в доблесть, я знаю: Бог постоянно предоставлял мне разные возможности. Чем меньше я упорядочивала пространство, тем больше оно влияло на меня, и это та наука, которой следует учиться всю жизнь.

С Алексеем мы сблизились довольно быстро. Наша первая ночь была трогательной и прекрасной. Он казался мне отдающим и сильным человеком, и я сразу наделила его функцией спасителя, который поможет мне найти ориентир, справиться с обидами, заменит брата, отца, вылечит мою недотроганность, выведет из состояния анабиоза и какой-то обусловленности иллюзорным миром. У меня было очень много ожиданий, и в самом деле я поверила, что в самой мечте, в идее — уже находится достаточно средств для её воплощения. Я быстро привязалась и, вооружившись энтузиазмом, твёрдо решила заполучить этого мужчину во что бы то ни стало.

Мы встречались около месяца, а потом пришёл его приятель Юрий и сказал, что Алексей будет отсутствовать некоторое время, поскольку уехал в свой родной город… к своей девушке.

Я была размазана и опозорена. Я задыхалась и мечтала, как повешусь где-нибудь в роще и мои родные найдут бездыханное тело. Это была трагедия: жизнь опять плюнула мне в лицо, повысила уровень сложности. Игра перешла на новый уровень. Я была уверена, что не справлюсь, и была сама себе омерзительна. Я кричала, плакала, проклинала его, воображала, как в его печень вонзается клинок, как я задушу его и он будет беспомощно хрипеть и молить меня о пощаде.

Хаотичное движение мыслей, ползущих в разные стороны, преследовало меня круглые сутки, изо дня в день, всё время его отсутствия. Я пила, курила, искала сочувствия у всех, кто располагал свободными ушами и мог меня выслушать, обливала его трёхсложными оскорблениями, жалуясь на такие непрогнозируемые последствия. Я ругала и себя за то, что не смогла усмотреть или почувствовать лжи в гипнотических элементах его речи, наигранности в жестах и прикосновениях, не предусмотрела, не заподозрила.

К тому моменту, когда я уже изрядно себя избичевала и почти смирилась с разочарованием, Алексей вновь явился на учёбу, и первым делом пришёл к нам. Я встретила его сухо и отстранённо, хотя мои влажные и пытливые глаза выдавали неравнодушие.

— Мне всё известно, — сказала я. — Как-то нехорошо получилось. Нечестно.

Он не стал оправдываться, предложил выйти во двор и поговорить.

— Я согласен с тобой. Я очень дурно поступил, — тихо, еле слышно произнёс Алексей и погладил меня по голове. Это вызвало приступ слёз, но я держалась.

Он продолжал:

— Ты понимаешь, эта история с моей девушкой, с Елизаветой, подходила к концу. Я знал, что долго не продлится: какое-то время мы жили с ней вместе, потом она получила диплом, уехала домой. Но сразу так отсечь я не мог. Собственно, я и приезжал к ней для того, чтобы объясниться. Но ты пойми, мне было жаль делать ей больно, поэтому приходилось поддерживать. Я ничего не говорил ей, ничего не говорил тебе, хотел сделать так, чтобы она не страдала. Смягчить удар…

— Интересно получается, — с напором заметила я. — Вы все такие великодушные, осторожные, продуманные, но вместе с тем никто не боится сделать больно мне. Никто не думает о моих чувствах, о моей репутации, и вообще о том, что я живой человек. Получается, ты берёг ту девушку, а меня беречь не нужно? Не обязательно? И так сойдёт, да?

Я была очень зла, я истекала бешенопенной слюной и готова была выдрать ему глаза.

— Прости, — всё тем же приглушённым голосом сказал он и обнял меня.

Я простила, и градус самоуважения опустился ещё чуть ниже.

Прошёл ещё месяц. Мы часто шумели всей компанией, и это не нравилось соседке из соседнего дома. А день, когда ребята не смогли до нас достучаться и полезли с шумом и звоном через забор, стал последней каплей в чаше терпения женщины, которая вынуждена была терпеть наши попойки, визги и танцы. Наутро она нажаловалась хозяйке, сдававшей нам этот дом, и в одночасье, с бранью и упрёками, мы были изгнаны.

Я собрала свои пожитки и угрюмо пошла обратно, к маме. Та встретила меня хорошо и даже принялась лечить мой затянувшийся бронхит травами и снадобьями. С Алексеем у меня не было никакой связи: о мобильных телефонах в ту пору мы только слышали, но никогда не видели, адреса общежития я не знала, а свой домашний адрес и телефон мне и в голову не пришло оставить — я была уверена, что домой не вернусь даже под пушечным расстрелом.

Через неделю он позвонил сам, сбивчиво и взволнованно рассказывая, как достал номер. Я пожаловалась на плохое самочувствие и несправедливость в лице хозяйки дома, которая безжалостно нас выселила, и, конечно, едва он попросился меня проведать, с радостью согласилась.

Алексей примчался на следующий день, и мы втроём пили чай с печеньем. Он рассказывал маме про свой родной город на берегу Чёрного моря, а мама мечтательно вспоминала, как в молодости, ещё до замужества, отдыхала там с подругой и была самой красивой женщиной на пляже.

Я и не заметила, что к приходу гостя она нарядилась в короткое платье, надела серьги и накрасилась. Говорят: когда тебя обманули первый раз — виноват лжец, но если попался снова — виноват ты сам. Увы, я тогда этого не знала.

Алексей часто приходил к нам, и ему даже разрешалось оставаться ночевать. Бабушка тоже пришла в восторг от него и часто говорила, как любуется им, насколько выразительна и незаурядна его внешность. Что касается мамы, она по-прежнему вела себя крайне странно: не оставляла нас одних, всегда усаживалась с нами за стол, тащила внимание на себя, подчёркивала свои достоинства. Однажды даже сообщила, что кормила меня грудью два года и её грудь ничуть не испортилась. Я снова не усмотрела в этом поведении угрозы.

Однажды она поведала трагическую историю из ранней юности — скорее всего, во многом надуманную и приукрашенную. В старших классах школы она встречалась с парнем, с которым они условились пожениться после восемнадцати. Но он погиб, попав под поезд, как раз когда мама путешествовала в горах. Вернувшись и получив такую новость, она долго пребывала в изменённом состоянии сознания от душераздирающего горя. Конечно, я не верила в её способность испытывать глубокие чувства, но история была грустной, и я проявила эмпа-

тию: выслушала и дала обратную связь. Позже она сказала, что Алексей — в точности копия того парня, и, наверное, реинкарнация существует.

— Я уверена: это он. Он меня не узнал, а я его узнала. Нет сомнений в том, что перевоплощения случаются. Ибо просто так подобного сходства не может быть, — парировала она с абсолютной уверенностью в своей правоте.

По сути, что стояло за этим сообщением? Если расшифровать, она пыталась донести до меня следующее: «Это не твой мужчина. Это мой мужчина, с которым мы любили друг друга двадцать лет назад, и вот сейчас он появился ровно в том же возрасте, в каком погиб, и ввиду такого знамения я снова хочу с ним быть». Она подготавливала меня посредством этих безнравственных и богохульных уловок к тому, что неизбежно должно случиться. К тому, что уже привычно и вошло в наш семейный сценарий. Я привожу домой мужчину — она его отбирает. По разным причинам: потому, что она лучше; потому, что она блистательная и умная; ну и наконец, потому, что у меня их ещё будет много, а ей уже сорок два года, и надо спешить жить. По этой причине следует вытворять любые безрассудства, и никто в этом мире не смеет осуждать её.

Видимо, я всячески избегала мазохистского смакования предстоящего несчастья и мыслей о том, что у моей матери бессердечия ровно столько же, сколько у садиста.

Прошло ещё несколько месяцев, наступила зима. На каникулах я значительную часть времени проводила дома — чем, наверняка, раздражала. Мама продолжала встречаться с сыном главной бухгалтерши, своей коллеги по работе. Я уже смирилась с тем, что все студенты об этом знают и хихикают, в том числе у меня за спиной, и научилась радоваться её личной жизни, хотя сложно назвать эту звенящую пошлость чем-то обустроенным. Чтобы оставаться с ним наедине без лишних свидетелей, она частенько просила меня пойти ночевать к одной из наших бабушек или к подруге. В общем, моя задача была проста — исчезнуть.

Мы продолжали видеться с Алексеем, и странные девиации в его поведении, которые я со временем стала различать, всегда оборачивала аргументированным объяснением в его пользу. Я улавливала всё те же знакомые мне проявления нарциссизма, но страх принять это уводил меня от очевидных истин. Он начинал действовать как тиран, но медленно и осторожно — точно кот, заглядывающий в открытую форточку. Это происходило плавно и незаметно. Он критиковал меня, но взамен требовал похвалы; обесценивал, но ждал признания своей ценности; нападал, но требовал, чтобы я заботилась о нём. Фактически его поведение говорило: «Я буду тебя презирать — а ты меня уважай. Я говорю тебе „эй, ты“ — а ты мне — по имени-отчеству. Я ожидаю — а ты соответствуй. Я прошу — а ты выполняй».

В очередной раз я ночевала у бабушки Нины, родной сестры нашей Галюси. Своих детей у неё не было — дед оказался бесплодным, — поэтому забота о маме, пока та была маленькой, а затем обо мне являлась её отдушиной, добровольной обязанностью, которую она с удовольствием на себя взяла.

Было скучно, и я позвала подругу, с которой познакомилась в колледже. Мы с ней сблизились с первых минут и дружим по сей день. Это необыкновенный человек с большой буквы, с невероятно манёвренным житейским умом от рождения. Ничуть не будет преувеличением сказать: она соображала лучше всех нас вместе взятых. Моя Катюша. Маленькая, проворная, огненная во всех смыслах этого слова. Бешеная энергетика и вечный энтузиазм. Злая, сварливая, нервная. Но в ней как раз было всё, чего мне не хватало.

В тот день она пришла как будто побитая, с тяжестью в глазах, слегка скрюченная — словно ей на плечи возложили тонну камней.

— Мне надо с тобой поговорить, — очень грустно, тяжело вздыхая, сказала она, стараясь не смотреть мне в глаза. — Может, и не надо говорить, но я по-другому не смогу, потому что люблю тебя.

— Что случилось? — холодно спросила я, понимая, что говорить мы будем обо мне, и это нечто — не самая приятная информация.

— Алексей спит с твоей мамой и ходит к ней, когда тебя отправляют ночевать сюда, — она облегчённо выдохнула и посмотрела на меня с тревогой и страхом.

Я задрожала, тихонечко заплакала. Мы долго обнимались, и я вытирала слёзы её шарфиком.

— За что? Господи, за что? Куда мне идти? Что мне делать? — причитала я, бегая по кухне в чудовищной растерянности.

Она взяла меня за руку и почти инквизиторским тоном сказала:

— Карина, ты же знаешь свою маму. Она не остановится. Зачем ты приводила его домой? Это же не первый раз. И даже не второй.

Я было подумала, что она пытается намекнуть, будто я тоже виновата. Но моё нутро протестовало: я невиновна. Я — безвинно пострадавшая сторона, я ягнёнок, которого при любом удобном случае приносят на жертвенный алтарь, как безропотный кусок мяса. Я не хочу нести ответственность за чужую распущенность.

Почему именно со мной это происходит? Очередной раз меня пырнули ножом, а теперь попытаются продать бинт? Как после этого идти домой? Что я скажу? Как буду себя вести? С каким лицом оставаться там? Как потом смотреть на своё отражение в зеркале?

— Да, кстати, — попросила Катерина, — не выдавай меня. Твоя мать доверилась мне по большому секрету.

Это вызвало у меня ухмылку. Хоть один верный человек в моём окружении. Но, видимо, мама решила, что предавать меня должны абсолютно все — даже подруга, которая вместе со мной ест из одной миски, целует меня при встрече и делит со мной душевные и сокровенные истории, — что она скроет это злодеяние, и все вместе станут весело смеяться за моей спиной.

Принять это было невозможно. Меня разрывало на тысячу вопящих кусков, и я не знала, как и когда соберусь воедино снова. Не знаю, о ком я горевала больше: о матери, которую, казалось, я потеряла навсегда, или о мужчине, которого любила. Совершенно точно мне не хотелось признаваться себе в страшной правде: в том, что вместо мамы у меня соперница, которая при всём при том играет не по правилам, а вместо мужчины — обычный ублюдок с мозгом мухи дрозофиллы, так легко поддавшийся искушению в лице зрелой женщины. А я в этой системе — обычная идиотка, неспособная предвидеть, предвосхитить и защитить себя и своё достоинство.

С этим событием миф о муже-защитнике и кормильце рассыпался для меня в прах и пыль. Более того, он казался мне зловонным, мерзким, не имеющим ничего общего с объективной реальностью. Скорее всего, эта концепция возникла на фоне тотального мужского насилия и женского бесправия.

Замужество… Что это? Для чего? Для кого? Скорее всего, идея о необходимости брака навязывалась как гарантия защиты от домогательств других мужчин. Ведь замужняя женщина считалась собственностью мужа, а покушение на собственность каралось — и довольно жестоко.

На практике же вместо защиты женщины получали своего личного насильника, от которого уже никуда было не скрыться. Я чувствовала себя изнасилованной, да. Хуже всего, что катализатором этого беспредела и его непосредственным участником была моя мать.

Не надо меня защищать — лучше не нападайте. Не делайте больно, не вторгайтесь в мою жизнь, не нарушайте мои границы, не вводите меня в заблуждение…

Чёткий план — никогда не связывать свою судьбу с другим человеком, сделать всё возможное и невозможное, чтобы держаться особняком и люто охранять свою автономию, — быстро сформировался в моей голове. Он выглядел как дополнительная и очень надёжная защита от подобных потрясений.

Я хотела остаться одна, сбежать от людей, от боли, от ответственности, которую я не хотела брать, но которая безусловно была и моей. Бежать было некуда, а позже я поняла, что и незачем. Ведь куда бы мы ни поехали, мы везде берём с собой — себя. И где бы я ни очутилась, куда бы ни отправилась, жизнь по-прежнему ломала бы меня, безжалостно бросая на вилы трансформации, невзирая на то, готова я к этому или нет.

Обычно никто не готов. В этом весь фокус.

Мой случай был отягощён ещё и тем, что патологическое сознание принципиально не способно к использованию прошлого опыта, к предположениям о последствиях тех или иных действий, к выделению существенного и главного.

Неадекватная самооценка, неадекватный уровень притязаний, скрываемое чувство неполноценности — всё это вызывает нежелание прогнозировать будущее. И за это нужно дорого платить. Я платила.

Вернувшись домой, я устроила скандал со слезами и проклятиями, как я умею, в своей живой, экспрессивной манере, непременно выдвигая тяжёлые обвинения всем — вплоть до Господа Бога.

Мама, будучи истинным абьюзером в юбке, непреклонно заявляла, что виноват никто иной, как я сама: это я дала ей зелёный свет и разрешение действовать. Алексей, прикинув, что ловить ему тут больше нечего, быстренько ретировался, не желая урегулировать конфликт двух близких женщин, которых он столкнул лбами.

Собственно, от него никто из нас не получил никаких объяснений, но, честно говоря, лично я не особо в них нуждалась. Сложно предположить, какими могли бы быть слова, способны

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.